

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Сын погибели

«Владимир Свержин»

2010

Свержин В.

Сын погибели / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2010 — (Институт экспериментальной истории)

Приключения сотрудников Института Экспериментальной Истории продолжаются! И на этот раз им предстоит встретиться лицом к лицу с крайне неожиданным противником... Казалось бы, чем может обернуться рутинная операция по изысканию легендарного артефакта XII века – механической головы, дававшей правителям мудрые советы? Очень и очень многим... Артефакт оказывается не артефактом, а вполне живым представителем расы змееподобных разумных существ, разделившихся на враждебных друг другу крылатых «ангелов» и подземных «демонов». Что еще хуже – его активно поддерживает юный и загадочный пророк Сын погибели, в котором сотрудники Института с изумлением узнают Федюню Кочендыжника, опрометчиво спасенного Лисом и Камдилом из Херсонесской тюрьмы... А когда к вражде змееподобных «ангелов» и «демонов» подключаются еще неистовый Бернар Клервосский, его давний недруг – хитроумный духовник короля Франции Сугерий и стремящаяся прибрать к рукам Францию византийская принцесса Никотея, ситуация и вовсе превращается в клубок сплошных проблем...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Свержин

Сын погибели

Пролог

Ход вещей – не самый удачный ход.
Рауль Капабланка

Джордж Баренс глядел на лица достопочтенных членов комиссии, пытаясь угадать, что творится в головах светочей исторической науки. Здесь, сегодня, на этой встрече без галстуков и лавров, решалась судьба операции, да что там, быть может, судьба одного из ближних миров.

– Мне представляется, – нарушил молчание серьезный молодой сотрудник отдела разработки, – что нарисованная вами перспектива грядущего апокалипсиса все же несколько... – он замялся, подыскивая нужное слово, – утрирована. Вы представили замечательно интересную информацию. Теперь мы точно знаем, что среди сопределов Альфа-круга наличествует гуманоидный мир, в котором динамично взаимодействуют три разноуровневых подвида разумных существ. Это, конечно, представляет ценнейший материал для науки, поэтому, я считаю, следует оставить там группу стационарных агентов для наблюдения и мониторинга, предоставив сопределу K17 развиваться по его собственным законам.

Баренс не спускал внимательного взгляда с коллеги, но в памяти его сейчас вставала совершенно иная картина: человеческое лицо на длинной змеиной шее, с глазами, пылающими, точно два жерла пробудившегося вулкана... ангел, распластавший крыла над полем боя... неистовый Бернар Клервосский с мечом в руках...

Институтская командировка обещала быть хлопотной, но не чрезвычайной. Речь шла о некоем странном артефакте – голове, дарующей земным владыкам точные политические прогнозы, исключительно верную информацию и указания, от которых попахивало то ли серой, то ли влиянием более высокоразвитой цивилизации. Только-то и требовалось, что выяснить природу этого странного явления и по возможности раздобыть для изучения сам артефакт!

Кто бы мог подумать, что во время пребывания Баренса и его сотрудников в том сопределе как раз и случится целая вереница самых невероятных событий. Что мир станет на край погибели в схватке Армагеддона, а может, Рагнарека, где сошлись люди земные, ангелы небесные и невиданные твари из бездны.

– Уважаемые коллеги, досточтимый лорд Джордж!

Группа экстраполяции процессов обработала предоставленные данные. Результаты неоднозначны.

После битвы на валлийских холмах данный мир едва начал приходить в равновесие, пока довольно шаткое. Сопределу K17 удастся стабилизироваться, если на смену центробежным силам придут центростремительные. Но! Беда в том, что система может стабилизироваться совсем на другом уровне, так как равновесие безнадежно нарушено из-за гибели Андая, проводителя людей-змей. Мы пока не можем знать, каков будет этот уровень, а главное, какими вспышками активности будет сопровождаться восстановление равновесия.

Мы считаем желательным наряду с отслеживанием процессов иметь возможность оперативной их корректировки.

– Но можем ли мы быть уверены, что наше вмешательство не дестабилизирует систему еще больше? Тем более что Андай, – разработчик поглядел в лежащую перед ним докладную записку, – предупреждал, что не потерпит присутствия нашей миссии в своем мире.

– Но Андай погиб, – возразил Джордж Баренс. – А последствия его гибели, как вы понимаете, могут быть непредсказуемы.

– Даже работа группы наблюдателей, – продолжал разработчик, – сопряжена теперь с немалыми опасностями. Можем ли мы в такой ситуации рисковать одной из лучших оперативных групп?

Он хотел еще что-то добавить, однако слова его были прерваны гудком установленного на председательском столе селектора.

Члены комиссии удивленно оглянулись на призывно гудящий аппарат. Всякому в институтских стенах было известно, что нарушить столь бесцеремонным образом работу комиссии допустимо только по самым безотлагательным вопросам. И все же селектор бесцеремонно требовал к себе внимания.

Джи Эр Эр, неизменно предводительствующий на «скале совета», поморщившись, нажал кнопку:

– Слушаю вас.

– Милорд, – раздался из селектора приятный женский голос. – Сэр Уолтер Камдейл разыскивает лорда Баренса.

– Это не дает основания ни вам, ни ему мешать работе комиссии, – раздраженно заметил председатель правления Института.

– Сэр Уолтер утверждает, что это очень важно, – оправдываясь, сказала диспетчер базы закрытой связи. – «Джокер-1» сообщает, что из вод озера Сноудон в Уэльсе появился некий Федюня Кочедыжник. Он шел по воде, был замечен монахами, строившими на берегу часовню, изловлен, посажен в крепость и наречен Сыном погибели.

Глава 1

– Следующим ходом королева бьет короля.

– Но это не по правилам!

– Зато по необходимости.

О. Бендер «Есть такая партия» (сборник шахматных композиций)

Всю последнюю неделю Аахен жил предстоящим торжеством. Сообщение о помолвке герцога Конрада Швабского с ромейской севастой, будто бы лично им спасенной из лап разбойников, облетело всю империю с такой скоростью, что птицам в воздухе приходилось шараться, когда эта новость проносилась мимо. Правда, злые языки утверждали, что герцог никак не мог спасти из-за тридцати земель несравненную племянницу василевса ромеев, поскольку все последние недели не выезжал из Аахена далее, чем на охоту в ближние леса. Но кому до этого было дело?

Толпы народа, наседая друг на друга, срезая кошельки и обрывая одежду, жались к цепочке стражников, охранявших путь молодой четы к кафедральному собору. Епископ в златотканом одеянии, опираясь на резной посох с вычурным, горящим золотом навершием, ожидал у распахнутых дверей храма, с умилением глядя, как расторопные пажи помогают спешиться герцогу и его очаровательной невесте.

За долгие годы пасторского служения ему бесчисленное множество раз доводилось связывать узами брака сыновей и дочерей человеческих. Но никогда, как ни силился он вспомнить, никогда прежде не встречал он столь прелестной нареченной. Казалось, ангел небесный спустился в мир с одной лишь целью – возвеличить всемогущество Творца пред очами смертных.

Как ни старался слуга господень отогнать от себя греховные мысли о чудесном облике юной девы, но полные небесной синевы глаза, налитые солнечным сиянием волосы и тонкие, почти детские черты лица вновь и вновь притягивали его взор.

– Конрад! – взорвалась толпа. – Никотея!

Пожалуй, второй крик был много громче первого. Еще совсем недавно и сам епископ, и настоятели крупнейших храмов Аахенского диоцеза¹ подыскивали новое имя будущей владычице Швабии, не желая смущать умы прихожан упоминанием языческой богини. Ситуация могла показаться комичной, если бы не была настолько серьезной: спасенная из лап разбойников ромейская принцесса без труда согласилась сменить веру, однако наотрез отказалась менять имя.

Выход нашелся случайно, когда Эрманн – аббат монастыря святого Эржена, – должно быть, повинувшись божьему наущению, отыскал в монастырской библиотеке древний трактат, посвященный деяниям великомученицы Никотеи. Знатная римлянка прятала в своем поместье гонимых императором Нероном христиан. Преданная завистливым родственником, она пыталась обратить кровавого императора к истине, но тиран остался глух к словам патрицианки, и та была растерзана львами вместе с братьями во Христе.

Таким образом, вопрос с именем решился сам собой, а обнаружение древней рукописи было воспринято духовенством и двором как добрый знак.

– Конрад! – летело над Аахеном.

– Никотея! – заглушало колокольный перезвон.

---

¹ Диоцез – область правления епископа епархии.

Племянница василевса дарила любезные улыбки славящему ее люду, кротко глядела из-под длинных ресниц на ждущего у входа в храм пастыря божьего и легко ступала по булыжной мостовой, опираясь на рыцарственную длань счастливого герцога Швабии.

– Господь моя защита, – шептала она, благосклонно кивая направо и налево, одаривая милостивым взглядом восторженных горожан. – Неужели же отныне эти дикие немые чудовища будут моими подданными?! А этот рыжебородый мужлан – супругом и повелителем?

При одной мысли об этом Никотею едва не передернуло.

Чтобы скрыть невольную гримасу отвращения, она улыбку и горько пожалела об отсутствии поблизости черноокой персиянки Мафраз.

Опытная в любовных играх не менее, чем в науке составления ядов, хитроумная рабыня могла пригодиться Никотее в скором будущем. Однако же недавняя попытка верной персиянки отправить к праотцам соперницу госпожи – дочь английского короля – едва не стоила жизни им обоим. Что случилось с Мафраз, Никотее по сей день было неизвестно, но, судя по тому, что Матильда готовилась в скором времени вступить в законный брак с новым английским королем – сыном Мономаха – Мстиславом, судьба Мафраз сложилась более чем плачевно.

От преданной служанки мысли Никотей сами собой перетекли к Гарольду III – как ныне именовали Мстислава. Он влюбился так безоглядно, что готов был променять любые царства на ее благосклонность. Но Фортуна ревнива, и принцессе пришлось бежать от страстного поклонника, чтобы едва не погибнуть от руки другого, еще более страстного и необузданного. Севасте даже показалось, что уже не выкарабкаться, но, как бы ни зла была ее судьба, смирение никогда не числилось среди достоинств или недостатков рода Комнинов. Если Господу угодно даровать для достижения цели такое неказистое орудие, как ее рыжий жених, – пусть он станет тем волшебным средством, пред которым разрушатся крепостные стены и падут ниц земные владыки.

– Аллилуйя! – вознеслось с клироса к небесам серебристое детское многоголосие, и стая голубей сорвалась с резного карниза и начала бестолково кружить над Конрадом и Никотеей, вступившими на крыльцо храма...

Это тоже было сочтено добрым предзнаменованием.

Лис появился в дверях и, скинув запыленный плащ на руки слуги, провозгласил с порога:

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

– Насколько великие? – испытующе оглядывая долговязую фигуру закадычного друга, поинтересовался сотрудник Института Экспериментальной Истории, Вальдар Камдил, он же доблестный рыцарь Вальтарэ Камдель, самозванный граф Квинталамонте.

– Не то чтобы сильно великие, но довольно пухлые, – без запинки ответил его напарник. – Во всяком случае, одно дело за номером «хрен разберешь». Да, кстати, – без перехода продолжил он, – как твои ребра?

Рыцарь поморщился, вспоминая недавнюю сечу и лисовскую стрелу, отведенную от заданной траектории бесцеремонным ангельским произволом.

– Спасибо, куда лучше, чем было в первую минуту. Почему ты спрашиваешь? – насто-рожился Вальдар.

– Ну... – Лис поднял глаза к потолочным балкам, – будь я Господь Бог, то воспользовался бы случаем создать из пришедшего в негодность ребра хорошенькую сиделку. Но, поскольку я таким фокусам не обучен, скажу тебе как старый солдат, не знающий слов любви, кроме команды «ложись»: с целыми ребрами мечом работать куда сподручнее.

– Так! С этого места подробнее, – нахмурился Камдил. – Еще вчера мы, кажется, намеревались мирно ожидать решения институтской комиссии и ни о каких мечях речь не шла.

– Но то ж когда было! Господь за это время твердь земную от аш-два-о небесной отделил и часть получившейся влаги густо посыпал солью... может, что-то типа ухи варить собирался?

Рыцарь внимательно поглядел на боевого товарища:

– Сергей, мне кажется, или сегодня ты как-то слишком часто упоминаешь все имя божье?

– Ни все, ни в высе, абсолютно по делу. – С губ институтского оперативника сошла, казалось, навеки припечатанная к лицу усмешка. – В общем, новости у меня безрадостные. Только что прирулил человек из пограничья... Наша, так сказать, валлийская агентура подтвердила, что мальчик лет тринадцати-четырнадцати, посреди бела дня возникший на глади вод небезызвестного тебе озера Сноудон, и впрямь носит диковинное для валлийского уха имя – Федюня.

– Это было известно еще два дня назад, – перебил его Вальдар. – Шанс, что это не он, конечно, оставался, но...

– Не грузи мозг шансовым инструментом! Тут же самое главное в деталях!

Его собеседник кивнул, делая приятелю знак продолжать.

– Так вот, – вновь заговорил Лис, многозначительно разминая запястье, – когда этот отставший от войска лоботряс с какого-то перепугу решил прогуляться по воде, поблизости как раз совершал променад отряд святых отцов, вздумавших поставить на берегу часовню для непрестанной борьбы с кознями местных водяных. До того, как оттуда всплыла целая армия, священная экология мало кого заботила, но уж больно весомый повод объявился. И тут, понимаешь ли – нате-здрасьте: с одной стороны, крестный ход с песнями, только шо без плясок, а с другой – навстречу им, буквально северная Аврора в лице Федюни Кочедыжника. В общем, по словам гонца, веселуха случилась преизрядная, в результате чего парень наш получил жуткое погонялово Сын погибели, был схвачен и запроторен в местный зиндан.² Из чего, Вальдар, вытекает конструктивная идея: пока Баренс в Институте, пока Матильда донашивает траур, может, мотнемся собрать букетик для невесты на зеленых валлийских холмах? А то ведь, если долго рассусоливать будем, танго из нот протеста писать, замордуют мальчонку.

– Да, – вздохнул Камдил, задумчиво оглядывая комнату, уставленную неприятелями мебелью, двор с коновязью за распахнутым окном и висящие на стойке вычищенные доспехи. – Нехорошо получилось. – Он потянул на себя перевязь с мечом. – Но сначала я должен связаться с Базой.

– Ох, – Лис приложил руку к груди, точно закрывая ладонью скрытый под одеждой «символ веры», – замаскированное средство закрытой связи – с ней только свяжись...

Сумерки опускались на Вечный город. Короткие, почти мгновенные – когда солнце всего лишь на миг зависает над морем, точно пробуя воду краем раскаленного диска, и тут же падает в пучину, не в силах больше держаться в небе после всего увиденного за день на земной тверди.

«Не так ли ныне закатывается солнце ромейской империи?» – думал василевс Иоанн II Комнин, наблюдая закат великого светила. Он бросил взгляд на величественную колонну Юстиниана. Отсюда, из дворцового окна, была видна лишь верная ее часть – огромный блистающий всадник на золотом коне, казавшийся совсем маленьким, держал в поднятой руке увенчанное крестом яблоко мира. По давнему поверью в нем непрестанно билось сердце Ойкумены. Именно оно, а не богатство, не могущество, не даже военная сила давали Константинову граду священное право именоваться Царьградом, началом начал, альфой и омегой.

Василевс Иоанн глядел из окна, как прощальными лучами выхватывается из подступающей тьмы золотой всадник и как гаснут отблески света на царственном металле.

«Неужели и впрямь настает конец величию ромейской империи? Нет, не может такого быть. Господь хранит верных. Уж сколько раз гибель Константинополя представлялась неминуемой, и неизменно рука Провидения защищала его стены. – Иоанну вдруг захотелось сорвать

---

² Зиндан – подземелье, тюрьма в странах Востока.

с себя злато и пурпур и, облачившись в рубища, ждать, когда Отец небесный рассеет полчища недругов одним движением перста. – Но упование не есть деяние. Град святого Константина будет стоять вечно!» Всевышний даровал ему императорский венец, а стало быть, все им содеянное – проявление воли божьей на земле. Как говорят нечестивые почитатели нелепого сарацинского пророка: «На Аллаха надейся, а мула привязывай, ибо у Аллаха нет рук, кроме твоих».

При упоминании богопротивного имени василевс перекрестился и отвернулся от окна. Иоанн Аксух, крещенный мусульманин, прежде носивший имя Хасан – правая рука императора ромеев, – ожидал, когда же наконец повелитель уделит внимание его скромной особе.

– Итак, мой дорогой крестник, – от минутной слабости василевса не было и следа, – у тебя есть новости о Никотее?

– Да, мой господин. Как сообщают прибывшие из франкских земель купцы, Никотея чудесным образом спаслась из рук захвативших ее разбойников и ныне пребывает в алеманнских землях.

– Что ж, – неспешно подходя к трону, проговорил император, – эту новость трудно назвать хорошей, но все же она намного лучше, чем известие о ее гибели. В чьи же руки она попала теперь?

– Герцога Конрада Швабского, мой повелитель.

– Он намерен получить за нее выкуп?

– О нет, он собирается взять ее в жены.

– В жены? – переспросил василевс. – Вчерашний дикарь, увешанный звериными шкурами, намерен взять в жены племянницу императора ромеев? Не испросив моего соизволения?! Не дождавшись согласия ближайшего старшего родственника?

– Не думаю, что у вашей племянницы есть выбор. На стороне варвара право сильного, со всеми же прочими они не больно-то считаются. Из Аахена пишут, что объявлен день свадьбы. Что же касается дикости ее суженого, – такое прежде случалось, мой повелитель. Смеею напомнить, что супруга императора Оттона...

– Не путай, – гневно перебил его Иоанн Комнин, – жену пусть варварского, но все же императора и какого-то герцога.

– Осмелюсь напомнить, – нимало не сбитый с тона резкостью государя, продолжал Хасан, – что в краях, самонадеянно именуемых франкскими или алеманнскими варварами Священной Римской империей, с недавних пор нет императора. Он умер, и в скорости предстоят выборы нового владыки Запада.

Герцог Конрад Швабский, к которому волею судеб угодила ваша несравненная племянница, дай ей Господь счастья и многих лет жизни, весьма богатый и влиятельный правитель. За ним стоит как минимум четверо князей-электоров.

– Ты хочешь сказать, что... – василевс надменно поджал губы, – что жених Никотее вскоре может стать императром?

– Такой исход более чем вероятен, – подтвердил Иоанн Аксух. – Особенно если мы ему в этом поможем.

– Что ж, – немного помедлив, улыбнулся Иоанн Комнин, – может, и впрямь это к лучшему. Никотея славная и умная девочка – она может стать хорошей императрицей. Через нее же моя воля распространится на земли франков! Что может быть лучше?! Воистину, нам ли дерзостно осуждать промысел Господень?

– Возможно, стоит направить Конраду послание с вашим благословением?

– Я подумаю об этом.

– А что слышно от того монаха, которого ты приставил к князю Мстиславу?

– Увы, потомок Мономаха отказался принимать кесарский венец из наших рук, но сказано: «Каждый день сулит иное». Как утверждает преподобный Георгий Варнац, сам он по-прежнему пользуется доверием и уважением нового короля бриттов.

– Много ли толку нам с того уважения? – нахмурился василевс.

– В уважении всегда есть толк. Нынче, возможно, польза и невелика. Но завтра...

– Ты что-то задумал, Хасан?

– Я всегда помышляю о благе империи, о мой повелитель.

– Так говори же! Не тяни.

– Как ни тяжело сие признать, посольство, которое мы отправляли в Кияву, закончило свои труды неожиданно и неудачно. И все же игра еще не кончена. Если Господь повелевает нам сыграть теми фигурами, которые нынче расставлены на доске, то мы сыграем ими.

– Я внимательно слушаю тебя.

– Как мы помним, с момента диковинной кончины Владимира Мономаха в стране руссов-рутенев правит брат-близнец Мстислава – Святослав. Между братьями всегда было негласное состязание в соискании чести и ратной славы, но тем не менее они души друг в друге не чают.

– Что ныне большая редкость между братьями. К чему ты ведешь?

– Империи, как и прежде, необходимо земляное масло. Без него нет, увы, греческого огня, без него не обойтись при строительстве дорог, а разливные озера этого масла расположены в землях руссов. Там они никому не нужны, даже козы не пасутся в тех местах, где оно есть.

– Знаю, – раздраженно прервал его василевс.

– Несомненно, о великий, как и о том, что рутены сильные и отважные воины и готовы драться против любого врага, пускай и за клочок земли, который им самим безо всякой надобности. Однако теперь войско руссов стало куда меньше, чем прежде, ибо, слава Всевышнему, большая его часть ныне за морем.

– И что ж, теперь ты предлагаешь напасть?

– О нет, мудрейший из мудрых. К чему нам это? Я предлагаю куда лучший план. Уже много лет в землях Империи нашел себе убежище князь руссов Олег, прозванный соотечественниками Гореславичем. Владимир Мономах некогда отобрал у него земли и заставил бежать из отчего дома. Сам князь уже стар, но у него есть сын Давид, и он горит желанием вернуть отцовский престол. Как мне известно, этот доблестный воитель имеет множество сторонников среди касогов и ясов, обитающих на берегах Понта.³ И стоит вам захотеть – их станет еще больше. Воспользовавшись ослаблением Киявы, молодой севаст наверняка рискнет испытать судьбу и нападет на сородича. Мы с легкостью предоставим ему такую возможность, и близко не упоминая вашего имени. Если набег принесет удачу – а скорее всего так и случится, – мы вступим в союз с князем Святославом и в обмен на земли Матрахи⁴ поможем ему сокрушить общего недруга, коварно воспользовавшегося милосердием и гостеприимством василевса. Полагаю, Святослав не откажется уступить отдаленные от его столицы неудобья в обмен на нашу дружбу и военный союз. Тогда, по всей вероятности, и его брат, прислушиваясь к мудрым речам благочестивого Георгия Варнаца, переменит свое мнение относительно кесарского венца. О том же, что даст нам дружественная Константинополю держава в мягком подбрюшьи франкских земель, полагаю, говорить не стоит.

– Ты хитер, как змей, Хасан, – покачал головой василевс. – Что ж, быть по сему.

---

³ Понт – Черное море.

⁴ Матраха, Тмурокань – Тамань.

Конрад Швабский поднял руку, и пиршественная зала огласилась криком и улюлюканием, какие обычно бывают, когда толпа охотников гонит оленя. Никотея вздрогнула и сжала губы. Длинный стол, недавно радовавший глаз обилием яств и дорогой серебряной посудой, напоминал поле боя. Множество валявшихся под столом гостей только усиливали это сходство. Однако мрачный тевтонский дух был по-прежнему крепок, почти несокрушим, и большинство приглашенных, мужественно подпирая друг друга, все еще сидели на лавках, оглушительно выражая свою радость и живо представляя продолжение брачной церемонии.

– Пируйте! Радуйтесь! – глядя на раскрасневшиеся лица гостей, крикнул герцог Швабский, перекрывая оглушительный рев восторга. – Мы идем в опочивальню!

Графы, бароны, рыцари, аббаты и жавшиеся в конце стола городские нобли⁵ свистом и криком одобрения встретили эту новость. Герцог Конрад протянул руку жене, но та оставалась сидеть неподвижно. Она чувствовала: стоит ей подняться, и от страха нелепо подкосятся колени. До сего мига она тешилась надеждой, что новоявленный супруг, по варварскому обычаю пивший исключительно неразбавленное вино, быстро захмелеет, и хотя бы на сегодняшнюю ночь неминуемая близость с ним будет отложена. Но то ли от страстного желанья выпитое было герцогу нипочем, то ли для того, чтобы опьянеть, ему нужно было куда больше, счастливый муж казался абсолютно трезвым, даже не уставшим. Поймав на себе удивленный взгляд Конрада, она протянула руку и прикрыла глаза.

Почетная стража – ближайшие соратники повелителя Швабии – сомкнулась вокруг венценосной четы с факелами и обнаженными мечами в руках. Никотея знала, что по обычаю этот отряд будет оберегать сон молодых, распевая за дверью скабрезные песни.

– Госпожа, – услышала она шепот у себя над ухом, – в этой битве женщина проигрывает, если не сдастся, но когда сдастся – диктует условия.

Никотея бросила украдкой взгляд туда, откуда доносился тихий голос – сомнений не было, при герцогском дворе не нашлось бы другого наглеца, что осмелился бы так бесцеремонно напутствовать повелительницу на пути к брачному ложу. Йоган Гринрой, рыцарь Надкушенного Яблока, шел у ее плеча, стараясь придать лицу патетическое выражение.

С тех пор как этот первейший в Германии плут доставил спасенную им ромейскую принцессу ошалевшему от неожиданного счастья Конраду Гогенштауфену, он ходил в ближайших друзьях рыжего герцога. Да и молодая герцогиня если и могла на кого-то положиться здесь, в Аахене, то лишь на своего изворотливого спасителя.

Когда двери спальни наконец захлопнулись перед носом почетной стражи, предоставляя любопытствующим возможность убедиться в отсутствии щелей, Конрад, вмиг позабыв о всякой помпезности, сграбастал в объятия прелестную супругу и принялся осыпать поцелуями ее лицо, шепча:

– Моя, наконец-то моя!

– Твоя, – обреченно соглашалась Никотея, досадливо пытаясь отвернуть губы от поцелуя и выставляя вперед руки в попытках освободиться.

– Ну что еще? – Конрад нахмурился и разомкнул железный захват. – Теперь, когда я твой муж, что еще?!

У Никотеи быстро-быстро застучало сердце. Она видела непреклонного в своих желаниях опасного хищника, готового растерзать и сокрушить любого, кто будет стоять на пути к намеченной цели. Сейчас это был не влюбленный мужлан, последние месяцы не сводивший с нее глаз и выполнявший любую прихоть, – сейчас он был хозяином и требовал покорности.

– погоди, Конрад! погоди, милый, – тихо, задыхаясь от волнения, остановила его знатная ромейка. – Я хочу поговорить с тобой... о важном.

---

⁵ Нобль – представитель городского патрициата.

– Что сейчас может быть важнее этого. – Герцог протянул руку к ней и легко, точно ромашку, сорвал золотую, украшенную сапфирами, фибулу, стягивающую ворот ее платья.

– погоди! – довольно резко проговорила она, пытаясь удержать распахнувшийся лиф.

– Завтра, все разговоры завтра! – Конрад отстранил ее руку и запустил пятерню под одежду.

Никотея отдернулась:

– Если бы Господь наказал меня, дав в мужья конюха, если бы в моих странствиях какой-либо разбойник силой овладел мной, я бы скорбя, но безропотно снесла это. Но Всевышний сделал моим супругом герцога Швабии, точно так же, как меня он сотворил принцессой из дома Комнинов и законной наследницей константинопольского престола. А потому, мой дорогой супруг, прежде чем ты взойдешь со мной на брачное ложе, я желаю, чтобы ты поклялся, что не будешь знать покоя и отдыха, покуда не объединишь в нашем роду венцы как Западной, так и Восточной империй.

– Но... – несколько ошарашенный услышанным, начал Гогенштауфен, – даже один из них добыть будет весьма непросто. Хотя, как тебе известно, я намерен потягаться за императорский трон.

– Доверься мне. – Никотея успокаивающе погладила нежными пальчиками щеку герцога. – Доверься и чти во мне не бессловесную наложницу, а императрицу. Ты станешь вторым в этом мире после Господа.

– Я клянусь, – обескураженно произнес Конрад Швабский.

– Я знала, милый. Знала и верила тебе, – проворковала Никотея с той же интонацией, с какой шептала подобные фразы персиянка Мафраз, рассказывая свои бесчисленные сказки. – Обними же меня, мой повелитель!

И она обвила руками шею мужа, прижимаясь к нему всем телом.

Глава 2

*Всякий волен погубить свою душу, если ему нравится.
Джакомо Казанова*

Отряд в две дюжины всадников двигался к Корнуоллу. Среди воинов внимательный глаз легко мог распознать суровых голубоглазых варягов, темнокудрых херсонитов, русоволосых бородачей с берегов Данпра, ну и, конечно же, коренных обитателей здешних мест – бриттов. Впрочем, по мнению тех, кто видел это небольшое воинство в деле, оно отличалось не только пестротой личного состава, но и отменной боевой выучкой.

Несложно было понять чувства короля Гарольда III, когда его недавний соратник – храбрый сицилийский граф Квинталамонте – испросил разрешения отправиться на родину. Без особой радости государь бриттов отдал распоряжение предоставить Камделю со свитой один из кораблей, приписанных к портам королевства. Будь Мономашич более сведущ в местной географии, он бы удивился, отчего вдруг графу понадобилось направляться в Корнуолл вместо того, чтобы сесть на корабль прямо в Лондоне. Но Мстислав, пусть даже и принявший имя Гарольда III, еще плохо знал расположение портов собственной державы.

– ...Капитан, шо паришься по поводу корабля, как та непареная репа? – увещевал друга Лис. – Кому какое дело, откуда и куда мы уходим в туманную даль? С этим мандатом я так отполирую уши первого же крупно попавшего судовладельца – в лучах полной луны они будут сверкать огнями святого Эльма!

– Огни святого Эльма предвещают бурю, – в пространство бросил его спутник.

– Вальдар, шо ты такой придиричивый, как попадья на Сорочинской ярмарке? Я тебе его уши продавать не собираюсь. Главное, чтобы на тот берег залива мы прибыли на чужестранном корабле, и чем чужестраньше – тем лучше.

– Да нет, я не о том. Что в Институте рассказывать будем?

– Ну, как водится – закатав рукава, мы выполняли спущенный приказ «сидеть и не рыпаться». Всем дружным коллективом в целях профилактики гриппа, для активизации и недопущения отправились подышать свежим воздухом, а заодно половить рыбку в мутной воде Бристольского залива. И стоило нам ступить на палубу, откуда ни возьмись, налетел ветер, который, шо того пса на поводке, притащил несчастное судно аккурат куда надо. Музеев нет, базар отстойный, вокзал – и того хуже... Так шо, как ни крути, пришлось устроить праздник со слезами на глазах.

– Ты думаешь, нам поверят? – хмыкнул граф Квинталамонте.

– Ну... Отпускные я бы на это, пожалуй, не поставил. Однако следственный эксперимент вряд ли решатся проводить.

Камдил усмехнулся, живо вообразив повторение на бис предстоящей операции:

– Ладно, уговорил. Главное – сделать все быстро и четко. А там, глядишь, и обойдется. Я с херсонитами направляюсь к местному епископу и, потрясая грамотой от Бернара Клервоского, требую передать Федюню в руки этого неистового охотника за демонами.

– Скажи уж просто – бесогона.

Вальдар неодобрительно покачал головой:

– Надеюсь, одеяние тамплиера и необычный выговор южан произведут на тамошних святош должное впечатление.

– Я в это время блокирую тюрьму и пресекаю любую попытку вывезти нашего мальчика в какое-нибудь очередное «прекрасное далеко». В случае необходимости врываюсь в крепость под видом поставки свежих заключенных, а дальше – не зевай, хохол, на то ярмарка.

– Это нежелательный вариант.

Между тем запыленный, утомленный неблизкой дорогой отряд миновал городские ворота и, пугая упитанных свиней, философически созерцающих белый свет из переполненных сточных канав, направился по центральной, относительно прямой и относительно мощной улице к порту.

– Слушай, Вальдар. Даю голову мэра на отсечение, где-то тут, буквально в зоне досягаемости твоей верной руки, должен сыскаться постоянный двор.

– Наверняка, – подтвердил граф Квинталамонте.

– Это я к тому, шо перед отправкой в порт надо бы вкинуть чего-нибудь в топку. А то в желудке такой заунывный вой – совсем не похоже на «Правь, Британия, морями».

К счастью мэра, пребывавшего в счастливом неведении о приезде незваных гостей, его голова могла и далее украшать собою плечи. Постоялый двор оказался на месте, там, где ему и следовало находиться – у самых ворот портовых укреплений. Радужный хозяин заведения, увидев на пороге запыленных усталых вояк, в мгновение ока соорудил великую китайскую стену из глиняных кружек и бросился наполнять их хмельным элем. Арифмометр в его голове стрекотал так, что было слышно даже на конюшне. Налив всем еще по одной кружке, владелец постоялого двора предложил доблестным воинам отобедать и вздремнуть с дороги. Совсем дешево!

По беглой прикидке Лиса, зафрахтовать корабль до Сицилии обошлось бы примерно в те же деньги. Сообщение о том, что гости, едва подкрепив силы, намерены отправляться дальше, несколько разочаровало кабатчика. Казалось, если б мог, он тут же отобрал бы все прежде выпитое, но стоило ему услышать, что бойкий соратник благородного рыцаря интересуется кораблями, готовыми отплыть к противоположному берегу Бристольского залива, в глазах его вновь замаячил огонек надежды.

– Да что вы, что вы, – замахал он руками, – и не пытайтесь даже! Нынче туда никто не ходит.

– Отчего же вдруг? – поинтересовался Лис, как обычно в таких случаях ведущий переговоры. – По велению Аллаха море обернулось горами? Фея Моргана превратила валлийцев в перелетных дятлов, и они упорхнули в теплые страны? Настал день, когда жители Преисподней стирают исподнее?!

– Вот-вот, именно что Преисподней! – закивал хозяин постоялого двора и, наклонившись к уху посетителя, многозначительно прошептал: – Там змеи!

– Дружище, уйми печаль! – насмешливо успокоил его Лис. – В Святой Земле мы видали таких кобр, что по сравнению с ними все местные змеи – так, мелочь шипящая, буквально шнурки для четок!

– То-то и оно, – заговорщицки продолжал магистр вертела и поварешки, – что хоть где, а таких не видали! Намедни в Суонси – это городок на том берегу – привезли странного мальчишку. Рассказывают, будто его изловили, когда он по воде ходил! Вот как я по полу!

Кабатчик для убедительности прошелся вдоль стойки.

– Ну-у... – заинтересованно наблюдая за хозяином, протянул Лис. – Он теперь бродит по Бристольскому заливу и пугает шкиперов?

– Все бы вам шутить, – обиделся трактирщик. – Прозвали этого малого Сын погибели и, по всему виду, не зря прозвали. Как приволокли его к епископу на суд, он давай его преосвященству всякую околесицу городить – пришел де нести истину... и все такое несурзное. Епископ на него, сказывают, рявкнул: «Отрекись, мол, ждут тебя муки адовы!»

– А тот?

– Уж что там Сын погибели ответил, никому не ведомо, а только вдруг путы, коими руки его были связаны, наземь упали и обратились в змей. И копия в руках у стражников тоже обратились в змей...

– Ну ничего себе! – от неожиданности присвистнул Лис.

– Ой, да что это вы в доме свистите, благородный господин! Денег же не будет!

– На вот тебе, не отвлекайся. – Лис вытащил из кошелька серебряный динарий. – Что дальше-то было?

– А что было? – Кабатчик ловко прибрал монету и развел руками. – Вроде бы змеи никого не тронули, только шипели да головами кивали, когда кто с места двинуться хотел. А мальчонка – тот взял да и ушел, куда глаза глядят, а как ушел, так змеи вновь обернулись кто копьём, кто путами. Но только все едино: плыть туда нынче боязно. Сын погибели на воле гуляет.

– Обалдеть, – подытожил Лис, поворачиваясь к графу Квинталамонте. – Ну шо, монсеньор, какие есть мысли?

– Есть, – со вздохом признался Камдил. – Безрадостные. Одна деталь настораживает.

– А конкретней?

– Представить себе не мог, что Федюня умеет свободно изъясняться на валлийском наречии.

Брат Россаль сдавленно кашлянул, пытаясь таким образом привлечь внимание настоятеля Клервосской обители. С самой заутрени аббат безмолвствовал. Он стоял на коленях и, молитвенно сложив руки перед грудью, пристально глядел на распятие, висящее на стене в его убогой келье. Казалось, что душа преподобного Бернара ныне вознеслась в горние выси и пребывает там меж ангелов у престола Господня. После внезапного и необычайного возвращения из Британии он вообще мало говорил, лишь изредка вызывал к себе одного из смиренных братьев и диктовал послание к мирянам, будь то владыки земные или же последние свинопасы. И всякий раз каждое его слово гроыхало набатной бронзой и жгло каленым железом.

Вечером в скриптории монахи аккуратно переписывали текст послания, а наутро оно уже отправлялось с гонцами по городам и весям христианского мира.

– Кто прибыл, брат Россаль? – Бернар Клервосский неожиданно вышел из оцепенения и резко повернул голову к ждущему распоряжения монаху.

Брат Россаль опустил глаза. С недавних пор он чувствовал, что попросту не может выдерживать прямой взгляд настоятеля. Он был точно наполнен живым огнем – пламенем божьего гнева, испепелившим Содом и Гоморру. Едва уловив его, любой из братии начинал тут же невольно вспоминать все прегрешения от детских шалостей до сего дня.

– Посланец его святейшества ожидает в трапезной. Я велел накормить его с дороги.

– Он что же, болен?

– Нет.

– Так отчего же ты решил кормить его в этот час? До общей трапезы еще несколько часов.

– Но, ваше преподобие, он устал с дороги. Путь был неблизкий.

– Посвятивший жизнь Божьему служению да не позволит слабости взять верх над повелением Господним. Впрочем, чего другого ожидать от слуг растленного владыки Рима? – Бернар отвернулся, бросив на прощание: – Зови!

Брат Россаль, пятась, вышел из кельи, оставляя настоятеля наедине с Творцом небесным.

– Отец мой наложил на вас тяжкое иго, – точно вослед ему прошептал Бернар. – А я увеличу иго ваше. Отец наказывал вас бичами, а я буду наказывать скорпионами.

Посланец святейшего папы был крайне раздосадован. Конечно, христианское смирение велело простить не в меру ревностному собрату приказ лишить его – доброго христианина и почитаемого в самом Риме священнослужителя – такой малости, как кусок хлеба после долгого пути. Это было неслыханно, но с чудачествами Бернара Клервосского приходилось мириться. Всякому нынче было известно, что благодать Господня пребывает с неистовым аббатом, а уж пути Всевышнего неисповедимы.

Посланец его святейшества вошел в приоткрытую братом Россалем дверь, плотно зажмурил глаза и вновь открыл их, чтобы быстрее свыкнуться с царившим в келье сумраком. Если

не считать слабого огонька, жавшегося к фитилю масляной светильни, неказистое помещение было погружено во тьму. С трудом можно было различить каменное, ничем не застеленное ложе, распятие на стене да темный провал закрытого от солнечных лучей оконца.

– Прикажите подать свечей, – обернулся посланец к брату Россалю.

– Не след! – обрезал аббат Бернар. – Незачем разглядывать земную скверну.

– Но... – начал было пришедший.

– Вы прибыли от римского понтифика, мой благочестивый брат во Христе. Что велел передать его святейшество?

– Прежде всего мне велено было осведомиться о вашем здравии.

– Здравие мое, как и вся жизнь, в руке Божьей. Я не ропщу, но радуюсь, с благодарностью принимая все посылаемое мне Творцом.

– Однако же, – несколько обескураженно начал посланец...

– Dixi.⁶

В келье повисла тяжелая гнетущая пауза. Римлянин не знал, что и сказать. Ему – потомку древнего патрицианского рода – внове было пытаться разговорить спину какого-то провинциального аббата. Бернар Клервосский не соизволил даже повернуться в его сторону.

– Его святейшество, – после тягостного молчания начал визитер, – много наслышан о вашем походе в Британию. Его весьма заинтересовали рассказы о подвигах и чудесах, которые свершались в те дни. В Риме ходят слухи, будто вы лично мечом сразили некоего демона, восставшего из бездны! Святейший Папа велел изъявить вам свое настоятельное желание, чтобы произошедшее было тщательнейшим образом изложено на пергаменте и передано ему. По высочайшему повелению я буду ждать, пока вы не окончите сей труд, чтобы лично доставить его понтифику.

– Не утруждайте себя и меня пустословием. Соберите тех, от кого слышали рассказы о моем походе, и запишите их речи.

– Вы отказываетесь?

– Я прошел сей путь и изъязвил чело терниями его с единой целью – исполнить волю Царя небесного. Сей государь превыше всех прочих, и лишь ему одному я служу, и лишь ему даю ответ. Остальные властители суетны и греховны в своей неизбывной суетности.

– Так вы что же, – возвысил голос посланник, – отрицаете святость и непогрешимость наместника святого Петра?

Бернар Клервосский, словно нехотя, поднялся с коленей и, наконец, повернул к незваному гостю суровое лицо. Тому вдруг показалось, что в келье стало значительно светлее – так озаряется ночная мгла вспыхнувшим пожаром.

– Когда грешник, в отчаянии бия себя руками в грудь и разрывая убогое рубище, восклицает: «Mea culpa!»,⁷ Господь снисходит к раскаянию его и очищает милостью своей от всякой скверны. Когда же рожденный и погрязший во грехе, будто монарший венец, несет людским хотением дарованную непогрешимость, – да будет он посрамлен в гордыне своей! Никто как Бог!

– Но это ересь!

– Ересь?! Ересь – для ключаря святого Петра, поставленного Господом блюсти чистоту возлюбленной дочери Христовой, святой нашей матери церкви, – побираться по дворам князей мирских, коим самим пристало ждать милостивых повелений от того, кто превознесен Господом над всеми! Ересь – для святейшего Папы становиться одним из властителей вроде прочих герцогов и принцев, убажжающих свои прихоти и позабывших страх божий! Ересь – не видеть

---

⁶ Dixi – «сказал» (лат.), разговор окончен.

⁷ Mea culpa – «моя вина» (лат.).

очевидного и не делать подобающего. Вот что такое ересь! А теперь ступайте с Богом. Мне более нечего сказать ни вам, ни тому, кто вас послал.

Не заставляя себя спрашивать, ошеломленный посланец выскочил из кельи и опрометью бросился по коридору, едва не сбив брата Россалья.

– Вы прогнали его? – сдавленным голосом спросил тот, удивленно глядя на обращенного в бегство пастыря Божьего.

– Не я, но истина, – коротко ответил Бернар. – Все это пустое. Слушай же, Россаль, брат мой! Мне было видение: в Британии из вод богомерзкого озера меж пяти гор вышел отрок, невинный с виду, но змей свил гнездо в сердце его.

– Помилуй мя, Господи! – перекрестился брат Россаль.

– Вели призвать сюда Гуго де Пайена.

Длинные разноцветные вымпелы рыцарей-баннеретов весело плескались над головами руанских дворян, выехавших за городские ворота, чтобы загодя встретить щедрого на милости короля и сопроводить его в Руан – распахнутое сердце Нормандии. Людовик Толстый наблюдал с холма, как гарцуют в ожидании его появления доблестные воины – цвет здешнего рыцарства, о чью отвагу раз за разом прежде сокрушались попытки вернуть в повиновение французской короне некогда утерянное герцогство. Больше века французские короли пытались добиться этого, но каждый раз безуспешно. Теперь Нормандия была готова с почетом и покорностью встретить своего законного государя.

Людовик, довольный, улыбнулся – даже если бы он в своей жизни не сделал ничего более, имя его останется живо в потомках из-за одного лишь нынешнего дня.

– Нам пора ехать, – напомнил королю восседающий на смирном ушастом муле аббат Сугерий. – Не след заставлять подданных долго ждать.

– Я дольше ждал этого часа, – горделиво отмахнулся Людовик, но дал шпоры коню.

Трубы взвыли, и кортеж его величества медленно и торжественно тронулся вниз с холма.

– Вот и свершилось, – тихо проговорил Людовик, оборачиваясь к Сугерию. – Мой дед мечтал дожить до сего дня. – Он вдруг усмехнулся. – Интересно, что думает по этому поводу новый король бриттов?

– Можно предложить, что Гарольду III нет дела до нормандских владений его предшественников. Матильда же, дочь короля Генриха Боклерка, прости Господь душу грешника, сейчас тоже вряд ли помышляет о наследстве Вильгельма Завоевателя. Поговаривают, что события последних месяцев подорвали не только ее телесное здоровье, но, увы, и душевное. Она почти не разговаривает и соблюдает настолько суровый траур, что даже король видит ее лишь изредка. Не могу сказать, что Господь безвинно наказал это предерзкое семейство, но следует признать, что Матильда в нем – отрадное исключение.

– Оттого теперь она и жива. И пусть живет себе подальше отсюда, – подытожил услышанное Людовик. – Но как бы то ни было, надо как можно скорее послать моему дорогому троюродному брату Гарольду III высокое посольство, дабы приветствовать его восшествие на престол и убедить в нашем дружеском благорасположении и родственной любви. Следует объяснить Гарольду, что, приняв под свою руку Нормандию, мы вовсе не покушались на его владения, а лишь вернули свои. Необходимо указать, что земли эти были отторгнуты от Франции теми же преступными руками, что отобрали корону бриттов у его деда, короля Гарольда, убитого при Гастингсе. Во всем же прочем между нами не может быть ни вражды, ни разногласий, и я рад буду стать его вернейшим другом во имя процветания наших королевств и во славу Божью.

– Я составлю послание, мой король. Но, боюсь, ваше доброе намерение будет тщетным.

– Что такое? Ты полагаешь, Гарольд откажется?

– О нет, беда не в Гарольде. Я говорю о Бернаре из Клерво.

– Славься! – раздалось со всех сторон. – Славься, король!

– Нынче вечером обсудим, – кинул Людовик, улыбаясь и простирая руки к встречающим его рыцарям.

Праздник, устроенный в честь мирного вступления в Руан короля Франции, должен был запомниться каждому обитателю этой земли на годы годов его. Да и то сказать, не каждый день Нормандия открывает объятия старшей сестре – Франции. Выпитым в тот день можно было заполнить ров вокруг города, а позади него воздвигнуть частокол из костей быков, кабанов, оленей, косуль – и это, не считая мелкой живности.

Музыка за окнами давно уже перестала быть стройной, рожки то и дело взывали, точно предвосхищая рев трубы архангела Гавриила, струны из оленьих жил скорбно оплакивали безвременную кончину лесных рогоносцев, но танцующие и не думали скорбеть. Дробный стук их деревянных башмаков по камням ратушной площади не давал заснуть даже далеким от праздника божьим тварям.

Впрочем, главному виновнику торжества в этот час было не до сна. Он слушал, нахмурившись. Аббат Сугерий никогда не заботился подсластить пилюлю для своего духовного чада.

– ...Поход в Англию несказанно увеличил популярность настоятеля Клервосской обители. Тысячи людей воочию лицезрели ангела Божия, закрывавшего аббата от стрел своими крылами. Свершенное им было не под силу армиям короля Шотландии и принца Уэльса, да и тамошние бароны, которые отнюдь не новички в военном деле, не смогли достигнуть того, чего добился Бернар, едва дав себе труд высадиться на ту сторону Ла-Манша. Он почти захватил Англию!

– Но кончилось это плачевно – его армию буквально искрошили объединившиеся войска Боклерка и Гарольда.

– Какие мелочи... – пожал плечами аббат Сугерий. – Главное, что в этом сражении Бернар самолично поразил грозного демона. А его рыцари заполучили в свои руки величайшую реликвию – нетленную главу Иоанна Крестителя – священный источник Божественной истины. Вслед за тем они были чудесным образом перенесены ангелом Господним едва ли не к воротам Клерво. Что же касается истребленных королем толп – кого во Франции интересуют убитые где-то там англичане?

– Увы, это правда.

– Как я уже говорил, – продолжал Сугерий, – ныне Бернар не признает над собой власти не только королевской, но и папской. Мне доподлинно известно, что Бернар изгнал из Клерво доверенного человека, присланного к нему Гонорием II. Он не дал несчастному даже утолить голод и жажду после дальнего путешествия. Бернар проповедует верховенство Божьей власти в своем лице надо всем миром. Он хочет низвести земных владык до уровня управляющих при своей персоне. Его смирение лживо, а гордыня не знает предела.

– Но ангел Господень с ним.

– Бесконечна хитрость врага рода человеческого, и козни его – не людским чета.

– Ты видишь в проповедях Бернара происки... – король перекрестился, – не к ночи будь помянуто...

– Я не исключаю этого, – пожал плечами аббат Сугерий. – А потому считаю необходимым послать гонца в Рим – с просьбой к его святейшеству учредить высочайшую комиссию для рассмотрения праведности деяний преподобного Бернара. Пока Рим в силах еще что-то сделать.

– Ты хочешь сказать, что мы сами уже не способны противопоставить ничего этому кликуше?

– Увы, мой государь, стоит нам попытаться предпринять любую малость против него, мы получим волну мятежей во всех едва-едва замиренных нами землях королевства. К тому же кому, как не Святейшему Папе, карать и миловать пастырей христианских душ?

– Аминь, – выдохнул король и прислушался: из-за двери доносилось негромкое пререкание.

– Ну что там еще? – крикнул Людовик.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулся начальник стражи.

– Там граф Фульк Анжуйский, – запинаясь, начал воин. – Он рвется к вашему величеству.

– Рвется? – переспросил христианнейший король.

– Именно так.

– Что ему нужно?

– Не могу сказать, мой государь. Но позвольте заметить: он не совсем одет.

– То есть как не совсем одет?

– Видите ли... – смутился бывалый воин, – прямо говоря, вовсе не одет.

Глава 3

Люди плохи не потому, что они плохи, а потому, что они – люди.
Марк Аврелий

Отец Гервасий, уже несколько лет возглавлявший Бюро Варваров в богатом Херсонесе, еще раз поглядел на тайнописную цифирь, слагавшуюся в текст категоричного, как обычно, императорского повеления. Мало кому могла прийти в голову мысль, что пергамент с прописанной сметой затрат на богоугодную деятельность церковей и монастырей Херсонесской фемы на самом деле ничего общего не имеет ни с закупкой свечей, ни с раздачей милостыни, ни с разведением садов и виноградников.

За годы беспорочной службы отец Гервасий легко приспособился читать шифрованное письмо, не складывая знаки кода в столбцы, а так – прямо с листа. Но сейчас он счел нужным проверить самого себя. Наморщившись, смиренный монах обреченно вздохнул и нехотя отправился во дворец архонта.

Блистательный дука Григорий Гаврас – архонт Херсонеса – не слишком жаловал представителя Бюро Варваров, однако же в силу обстоятельств был вынужден считаться с этим «оком государевым». Любой неосторожный шаг любого сановника неминуемо вызывал подозрения василевса, и без того не слишком доверявшего своей знати.

Увидев среди дворцовой колоннады сумрачного отца Гервасия, спешащего к нему, архонт невольно обеспокоился. Конечно, реши сей раб божий обвинить его в измене и взять под стражу, наверняка пришел бы сюда в сопровождении целого войска, но и сейчас хмурое выражение лица отца Гервасия не предвещало ничего хорошего.

– Мир тебе, сын мой, – приветствовал он архонта.

– И с тобой да пребудет благословение небес, – с деланным смирением ответил Григорий Гаврас.

– Я нынче получил распоряжение... – продолжал монах безо всякого перехода, – мне велено сообщить тебе...

– Ну что же ты умолк, сообщай. – Архонт сделал знак рукой, приглашая гостя в тронную залу.

– Василевс намерен отправить Симеона в земли франкской империи.

– Моего сына? – нахмурился повелитель Херсонеса. – Зачем?

– Об этом я должен говорить лично с турмархом.

– Но он болен, – отрицательно покачал головой Григорий Гаврас. – Никого не желает видеть. Все то время, которое остается у него от ратных дел, проводит в уединении, погруженный в безмолвную тоску.

Гервасий вздохнул, сочувствуя печали отца.

Не так давно отважнейший из воинов Херсонеса – славный предводитель конной рати – Симеон Гаврас отправился в Кияву, дабы сопроводить племянницу василевса, Никотею. Его путешествие было долгим, а возвращение печальным. В первые дни сын архонта походил на безумца: отказывался от еды, молчал и смотрел, будто сквозь людей, не замечая чьего бы то ни было присутствия. Со временем начал разговаривать, но по-прежнему оставался мрачен, точно душу его язвила незаживающая рана.

Прямо сказать, история, поведенная в Херсонесе пройдохой-авантюристом Анджело Майорано, доставившего скорбного духом турмарха в родные пенаты, мало удовлетворила представителя Бюро Варваров. Рассказы о чуде расступившихся водах Светлояр-озера и Владимире Мономахе, обратившемся в змея, представлялись ему досужей выдумкой, более того – наглой ложью. Но слова Майорано подтверждали войны кортежа. Отец Гервасий был скло-

нен заподозрить сговор, но тут Симеон, выйдя из оцепенения, собственными устами повелел наградить Мултазим Иблиса, как называли Майорано на Востоке, и отпустить, вернув ему захваченный корабль.

Григорий Гаврас чуть замедлил шаг возле распахнутой перед ним двери.

– Турмарха ко мне! – скомандовал он дежурившему у входа в тронную залу офицеру стражи.

– Ты намерен говорить с ним один на один? – Архонт повернулся к идущему следом монаху.

– У меня не было повеления держать распоряжение василевса в тайне от вас, но оно не должно получить огласку за пределами этой залы.

Турмарх Херсонесской фемы Симеон Гаврас не заставил себя долго ждать. Он явился пред отцовские очи, сверкая вычищенной до блеска чешуйчатой броней, в развевающемся пурпурном плаще, с мечом у пояса.

– Ты звал меня, отец?

Архонт указал взглядом в сторону Гервасия.

Симеон равнодушно взглянул на монаха и, отведя глаза, неприязненно поджал губы.

– Да простит меня доблестный воитель, я лишь выполняю предначертанное василевсом.

Распоряжение тайное и требующее немедленного исполнения.

Турмарх безмолвствовал.

– Оно касается некоей особы, вам хорошо известной, может потребовать от вас не только храбрости, но также ловкости и мудрой предусмотрительности.

Симеон Гаврас продолжал бесстрастно рассматривать отца Гервасия, точно видел его впервые в жизни.

– Известно ли тебе, что севаста Никотея жива, ныне здравствует...

– Что?! Что ты сказал, монах? – Турмарх, точно камень из баллисты, подлетел к чернецу, едва не сбив его с ног.

Отец Гервасий попятился:

– Жива, здорова и, быть может, в этот час сочетается законным браком.

– Ты лжешь! Озерная пучина сомкнулась над ее головой!

– Сие мне ведомо лишь со слов безбожного мошенника Анджело Майорано, по твоей милости ускользнувшего из моих рук. О том же, что Никотея ныне пребывает в Аахене, во дворце Конрада Швабского, я знаю доподлинно.

Пораженный этой вестью Симеон Гаврас бессмысленно жестикулировал, то открывая, то закрывая рот. Казалось, звуки всех фраз, которые он хотел произнести в единый миг, сцепились меж собой в плотный комок, и теперь турмарх был просто не в силах выдавить из себя ни единого слова.

– Я вижу, мой храбрый друг, ты рад, что она жива.

– Но кто он? – с трудом прохрипел Симеон.

– Как уже было сказано – герцог Швабии. Насколько мне известно, он не представляет собой ничего особо интересного – один из многих рыцарей, коих в Алеманнских землях великое множество.

– Я должен убить его?

– О нет, сын мой, – монах воздел персты к небесам, – сие есть тяжкий грех! Василевс желает, чтобы ты отправился в Аахен и помог Никотее стать императрицей.

Симеон закусил губу, чтобы не взречь от ярости. Казалось, жги его сейчас раскаленным железом, боль не была бы сильнее той, что он испытывал, выслушивая эти новости.

– Ты можешь потратить на сие предприятие столько золота, сколько будет нужно. Все, кто работает в тех землях на Бюро Варваров, будут находиться под твоей рукой. Но в крат-

чайшие сроки Никотея должна стать императрицей. Заметь, не женой императора, а именно императрицей. Такова воля нашего повелителя – славнейшего из земных владык.

Симеон тяжело дышал, точно панцирь, привычный до такой степени, что временами турмарх просто забывал о стальной чешуе, вдруг превратился в многопудовые вериги и теснил его грудь. Ища поддержки, турмарх оглянулся на отца – тот смотрел пристально, словно ожидая от сына верного ответа.

– Я... – Симеон до хруста сжал рукоять меча, представляя, с какой радостью раскроил бы череп неведомого ему герцога Швабии. – Я готов.

– Василевс надеется на тебя и облакает высоким доверием, – с ноткой сожаления в голосе напутствовал его отец Гervасий: будь его воля, он бы ни за что не доверил столь щекотливое дело такому бесхитроственному, хотя и, несомненно, храброму юнцу. Лучше бы взялся сам.

Но Симеон не уловил нотки разочарования в тоне монаха, зато явственно услышал радостный вздох своего отца.

Людовик Толстый озадаченно поглядел на верного советника. Юный Фульк Анжуйский, наследник одного из крупнейших ленов⁸ королевства, был не просто кравчим августейшего монарха, он являлся важнейшей фигурой в великой «шахматной баталии». Фигурой, ценность которой могла легко поменяться в зависимости от капризов погоды или желудочных колик нынешнего герцога Анжу.

– Пусть войдет, – повелел Людовик, нахмутив и без того прорезанное тремя рядами глубоких морщин чело.

Начальник стражи молча поклонился и исчез за дверью, а через мгновение в освещенной факелами зале возник сам виновник ночного переполоха – граф Фульк Анжуйский. На разорванной в клочья нижней рубахе у плеча отчетливо проступало кровавое пятно.

– Как это понимать, граф? – оглядывая сконфуженного кравчего, гневно спросил король. – Тебя ограбили?

– Нет, мой государь, – опустил глаза юноша.

– Тогда что же?

– Мне совестно об этом говорить.

– Проклятие! – выругался Людовик. – Так не делай того, о чем потом будет совестно рассказывать!

Фульк тяжело вздохнул, не поднимая взгляда с застеленного восточным ковром пола.

– Это была честная схватка. Я убил его.

– Господи, сделай так, чтобы я ослышался! – Король сделал шаг к юноше. – Что ты сказал?

– Это была честная схватка, – повторил анжусец.

– Впервые слышу о манере вести честный бой в исподнем. Говори толком, кого ты убил, несчастный?

Юнец вздохнул поглубже, собираясь то ли с мыслями, то ли с духом, то ли с тем и другим разом, и, наконец, поднял глаза.

– Сегодня на празднестве я познакомился с одной девушкой... Очень милой девушкой... Я ей тоже понравился...

– Ну и?

Фульк искоса поглядел на аббата Сугерия, сосредоточенно перебирающего четки.

– Мы уединились тут неподалеку... Но, поверьте, ничего не было!

– Во всяком случае, от этого «не было» кого-то уже не стало, – резко оборвал его король. – Отвечай – кого?!

---

⁸ Лен – феодальное владение.

– Мы уединились на сеновале, и вдруг ее брат... старший брат... он напал на меня с мечом... А мой клинок лежал в стороне. А еще с ним были трое слуг... – довольно бессвязно продолжал кравчий. – Там в сене торчали вилы, я успел схватить их...

– Кого ты убил, несчастный, говори?!

– Ее брата. Но он тоже ранил меня!

– Его имя! – взревел король.

– Робер де Вальмон.

– Что?! Ты хочешь сказать, что вознамерился совратить дочь коннетабля де Вальмона Мадлен, и тебя застукал один из ее братьев?

– Я не пытался... Мы понравились друг другу...

– Молчи, глупец! – рявкнул Людовик. – Ты не представляешь, что натворил! Виконты де Вальмон – младшая ветвь графов Д'Иври, а те через своего основателя – Рауля Д'Иври – в близком родстве с родом герцогов Нормандских. Завтра же нормандцы объявят, что я вознамерился истребить местную знать, а послезавтра мир в этих землях, ради которого мы проливали кровь столько лет, снова пойдет прахом.

– Но я же не хотел! – тихо всхлипнул Фульк. – Я оборонялся!

– Оборонялся!.. – устало передразнил Людовик Толстый. – Ладно, ты сказал, там были слуги – что с ними?

– Я их обезоружил и хорошенько отдубасил тупым концом вил.

– Ловкач! Один против четверых, – восхитился король. – Вот посмотришь, завтра слуги объявят, что ты напал на молодого Вальмона, когда тот защищал честь сестры от французского злодея-насильника. И она – обещаю! – подтвердит это.

– Не может быть! Она такая добрая!

– Может, глупец! Может, и подтвердит! – заорал король. – У Мадлен, кроме убитого тобой, еще семеро братьев, и все – старшие. Они заставят ее говорить что угодно, лишь бы спасти честь рода. И скажу более: даже если сегодня я как верховный сюзерен дарую тебе помилование, ни один из Вальмонов и их многочисленной родни не признает убийцу члена своей семьи обеленным. Они будут жаждать твоей крови.

– Что же мне делать? – обескураженно пробормотал Фульк.

– Что делать, – задумчиво глядя на графа Анжуйского, пробурчал венценосец. – Раньше следовало соображать, прежде чем по сеновалам девок щупать. Не при святом отце будь сказано. – Он покосился на аббата Сугерия.

Людовик не спускал глаз с юноши, и тот попытался сжаться под тяжелым, будто в нем был сосредоточен весь немалый вес тучного монарха, взглядом.

Что мудрить, Фульк был, несомненно, хорош собой – той редкой мужественной красотой, которая обычно выдает старинные римские корни. Он выглядел старше своих лет. Военное ремесло, которое молодому графу довелось изучать с мечом в руках, а не по трактатам, закалило его характер, добавляя правильности черт гордую статью молодого льва.

– Через несколько месяцев ты должен стать мужем наследницы герцога Буйонского. Если Господу будет угодно, в будущем этот брак принесет тебе корону Иерусалимского королевства. Ты же скачешь, как молодой жеребец, почуявший запах кобылки.

– Я был готов просить у вас руки Мадлен, – с трудом выдавил юноша.

– Молчи! Де Вальмоны – хороший род, но ты рожден для иной участи. Теперь же говорить о сватовстве к Мадлен и вовсе бессмысленно. Вероятно, в скором времени братья упекут ее в монастырь, хорошо, если еще только послушницей.

Аббат Сугерий недовольно покачал головой, но не стал прерывать речь государя.

– Сейчас надо подумать, как спасти твою голову. Где одежда?

– Все осталось там, – обреченно вздохнул Фульк. – На крики начал сбегаться люд...

– Понятно. Стало быть, и без слов Мадлен по гербу все легко узнают, кто составлял ей компанию этой ночью.

– Что мне оставалось делать?

– Сейчас это уже совершенно не важно. Я велю людям молчать о твоём появлении здесь. Тебе же следует поскорее убраться из Руана и направиться в Париж. Конечно же, братья обесчещенной девицы будут искать тебя не только в стенах города, а, вероятно, по всей Франции, но в столице легче укрыться. Когда я вернусь туда, отправишься с посольством в Рим. Надеюсь, в Италии до тебя не дотянутся, заодно испросишь себе отпущение грехов.

– Но как мне выбраться из Руана?

– Чуть свет в Париж отправляются возы с дарами Нормандии. Сейчас спрячься там – среди связок мехов. Никто не посмеет искать беглеца меж королевских подарков. А дальше потрудишься сам позаботиться о собственной безопасности.

* * *

Жизнь, как полагал Федюня Кочедыжник, была презабавной штукой. По рассказам отца, когда мальчику было немногим больше месяца, на поречное займище,⁹ где располагался стан его рода, наскочил отряд печенегов. Свирепые грабители совсем уж было вознамерились разорить беззащитное селение, но вдруг увидели спящего в колыбели Федюню, а рядом – презрядных размеров аспида. Змей, свернувшийся кольцом вокруг ребенка, поднял голову и угрожающе зашипел на разбойников. Узрев в этом недобрый знак, печенеги бросили захваченное в стане добро и умчались обратно в степь.

Много позже Федюня понял, что, почитай, все соседи, да и захожие люди, не только не понимают змеиные речи, а и боятся его друзей пуше огня. Но это мало заботило неразумного отрока, покуда судьба не занесла его в Херсонес. А там мальцу чуть и вовсе конец не пришел за такую малость, как кормление змей. И лишился бы живота, не появившись бог весть откуда люди заморские, которые его из подземелья вытащили да увезли за тридевять земель. Этих-то витязей ни змеями, ни пламенем было не пронять, и оттого столь покойно у Федюни на душе сделалось, что, казалось, готов он был век с ними идти, куда прикажут. А уж тем паче, что шли они к самому что ни на есть заветному Светлояр-озеру.

Об этой земле, что под ясной озерной водой – о граде Китеже, – Федюня слышал, еще на коленях у прадеда сиживая. Сказывали, что в том краю стоит змеиного царя терем, и кто по тропе-волне к потаенному крыльцу дойдет, тому суть всякой вещи, всякого слова откроется. Оттого и мечтал Федюня до подводного града дойти, а коль повезет, то и до самого змеиного царя добраться. Да и то сказать, отчего не добраться, когда родился на свет в полуночный час на Ивана Купалу, так что всякий тайный путь точно солнцем высвеченный?! Поди, не зря Кочедыжником¹⁰ прозвали.

Долго ли, коротко ли, где конным, где пешим, а добрался Федюня до Светлояр-озера. Да вот незадача: как воды расступились, он помнил, как в град входил – помнил. А далее точно сон дурной. Только-то и виделось – глаза огромные, желтым пламенем горящие. Ни проснуться, ни взор отвести. А как очнулся – тропа средь вод, да только места незнакомые и люди, по всему видать, чужестранные и до жути диковинные. Хотя все, что они лопочут, понятно, но речь вроде как и незнакомая, нелюбезная. Нет, чтоб гостя к обеду пригласить – схватили, в железа заковали, повезли невесть куда.

«Насилу ушел, – подумал Федюня и тут же осекся. – Отчего же насилу?»

---

⁹ Займище – заливные луга.

¹⁰ Кочедыжник – цветок папоротника (др. слав.).

Привезли его в неведомый град к людям грубым да неласковым – это верно, а что ж касательно остального – так сущая безделица. Как притянули волоком на судилище, так и вздумалось отроку, что надо бы поспешать от того места подальше. Тут-то копья у стражи змеями обернулись, и пути сами собой наземь спали. Так что шел теперь Федюня по городской улице куда глаза глядят, да и сам не ведал куда.

Стражи у ворот, увидев незнакомца в чудном заморском платье, от чрезмерного усердия бросились преграждать ему путь. Глянул на них Федюня с укором, те и застыли в оторопи. Когда мимо отрок проходил, и словом не обмолвились – так и проществовал через городские ворота. Да только за воротами, почитай, весь белый свет, а что там искать: может, к отчему дому путь-дорожку – так ведь нет отчего дома.

Закручинился было Кочедыжник, а потом хлопнул себя по лбу, точно умишко, задремавший в граде Китеже, обратно возвращался. Ведь други-то милые – дядька Лис и Камдель, витязь заморский – тоже по тракту нерукотворному под воду ушли! Может, и они нынче где-то поблизости обретаются? А может, и вся дружина княжья тут.

Федюня посторонился, пропуская мимо возы, запряженные волами.

– Подайте! – слышалось рядом. – Смилуйтесь, не дайте помереть от голода калеке убогому!

Только сейчас Федюня заметил, что по обочинам дороги сидят полдюжины нищих, протягивая руки к медленно катящимся возам.

– Здрав будь, почтенный, – поклонился Федюня ближайшему калеке, сидевшему в маленькой тележке, выставив сухие нехожалые ноги.

– Где уж там, – отмахнулся тот. – Здрав будь... Почтенный... Чего надо, мальй?

– Вы тут у дороги сидите, может, слышали – не объявлялся ли в здешних краях князь Мстислав с дружиной?

– Не знаю о таком, – покачал головой нищий. – Вот нынешний король Гарольд Английский, тот – да, объявился. Сказывают, прям из озера вышел. Да не один, а с целым войском! Врут, поди. Но складно врут.

– Ой, не врут, дяденька! – всплеснул руками Федюня. – А где ж ныне та рать?

– Так говорю же – в Лондоне. Где ж ей быть? Гарольд – всей тамошней земли король.

– А как отсель до того Лондона добраться?

– Эх, далече, мальй. Ноги б ходили – ей-ей, сам отвел бы. А языком всех миль не перечтешь.

– Ну так пойдем. – Федюня протянул нищему руку, помогая встать.

Тот вознамерился было оскорбиться злой насмешкой или поведать глупому чужестранцу, как во время схватки при Фаулскирке опрокинувшаяся лошадь привалила молодого оруженосца Гарри из Суонси, навсегда лишив возможности двигаться иначе, как на этой злополучной тележке...

Он уже открыл рот для того, чтобы высказать мальцу горький упрек, но вдруг померещилось калеке, будто возле колеса тележки скользнула змеиная тень. Сам того не осознавая, схватился бедолажный за протянутую руку, и тут ноги его точно пламенем ожгло. «Куснула-таки, сволочь, – с досадой подумал он, вскакивая. – Сейчас, поди, и помру». Однако жгучая боль исчезла так же быстро, как и появилась, а он продолжал стоять.

– Пошли, – потянул за руку Федюня, словно удивляясь, почему его собеседник медлит.

Тот сделал шаг, еще один, ошарашенно глядя на собственные нижние конечности, затем подпрыгнул, выделявая замысловатое коленце, дробно отбарабанил ритм стремительной джиги по наезженному тракту.

– Йо-ха! – крикнул он, бегом устремляясь от города.

Ни слова не говоря, Федюня побежал вслед за ним.

– Ты видел? – указывая на улепетывающую невесть от кого парочку, спросил соседа один из соискателей лишнего пенни.

– Ага, – только и смог пробормотать тот.

– Слышь, а у Гарри-то ноги и впрямь неходячие.

– И то...

– А змею видел?

– Так ведь, как же...

– А ведь не было змеи! Мелькнула и пропала. Что ж такое выходит, Господи спаси?! – перекрестился первый нищий. – А ну, догоняем! Этакое не каждый день случается!

И оба «страдальца», не сговариваясь, вскочили на ноги и, забыв о костылях, устремились вслед Федюне.

Григорий Гаврас с явным облегчением глядел, как почтенный отец Гервасий минует дворцовую стражу и покидает двор его резиденции.

– Ты правильно поступил, сынок. – Он повернулся к Симеону. – Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но, видно, тут уже ничего не поделаешь.

– Сие ведомо одному лишь Господу, – смиряя клокодавшее в груди буйство, выдал турмарх. – Я не верю, что Никотея добровольно избрала себе в мужа какого-то никчемного алеманнского владетеля. Тут кроется тайна! Вероятно, севасту принудили дать согласие на брак! Я должен быть рядом с ней. Я должен ее вызволить! И если узнаю, что она в руках врагов...

– Прекрати, – оборвал его речь архонт. – Враг не стал бы брать Никотею в жены и сажать ее с собой на герцогский трон.

– И все же я не верю! – упорствовал младший Гаврас.

– Верить или не верить, суть дела это не меняет. Если Никотея еще и не стала герцогиней Швабской, то к твоему приезду станет ею наверняка.

Симеон шумно выдохнул, и ноздри его гневно раздулись.

– Молчи и слушай, – решительно остановил его отец. – Я понимаю твою любовь, твою безумную страсть, но до сего дня она приносила нам один только вред. Милостью небес ты вернулся в свой дом невредимым. И еще большей милостью после твоего возвращения не разгорелась война между Херсонесом и Киявой. Умерь свой пыл. Никотея не только прекраснейшая из женщин – она наша союзница. Вернейшая из наших союзников! Или ты забыл, что смерть брата по-прежнему не отомщена, и василевс, замысливший сокрушить дом Гаврасов, по-прежнему властвует в Константинополе как ни в чем не бывало? Я верю, что Господь не оставляет нас милостью своей, и именно поэтому Никотея сейчас пребывает в сердце империи франков. Я вижу, что Вседержитель в память святого нашего предка Федора Стратилата благосклонен к Гаврасам. Сказано, что кого Господь намерен покарать, он лишает разума – не этим ли можно объяснить, что тебя, а не кого-либо иного, василевс отправляет в Аахен? Не препятствуй же божьему промыслу, ибо сила человечья ничто пред могуществом Его. Отправляйся к франкам и делай то, что велит тебе василевс. Пусть Никотея станет владычицей Западного мира. Вместе нам не составит особого труда одолеть презренного Иоанна Комнина, а там... – внимательно поглядел он на сына. «Благороден, слишком благороден, – подумал архонт, – такой не станет бить кинжалом в спину. Такой бросит вызов, чем бы это ни грозило». – Там, я верю, Господь и далее будет на нашей стороне.

Симеон Гаврас нахмурился.

– Ступай, готовься в путь!

Когда турмарх вышел из тронной залы, Григорий Гаврас медленно прошествовал к резному золоченому креслу – подобию императорского трона и, водрузившись на него, ударил посохом об пол.

Брэнар, командир варяжской стражи, почти бесшумно возник перед ним.

– Мой сын отправляется в Аахен, – глядя на суровое лицо постаревшего в битвах воина, проговорил архонт.

– Мне это уже ведомо.

– Тебе знаком алеманнский язык?

– Да, – склонил голову северянин.

– Возьми человек пять надежных бойцов, ты отправляешься с Симеоном.

Варяг кивнул.

– Твоя задача – оберегать его от любого врага, от явного, тайного, а также от любого, какой только может появиться – упокой, Господи, душу его.

Глава 4

Все могут короли, но королевы хотят еще больше.
Борис Крутиер

Никотея открыла глаза и, не двигаясь, перевела взгляд с темного сырого потолка на стены с закопченными полосами – воспоминанием о горевших здесь недавно факелах. Расшитые охотничьими сценами занавеси шпалер чуть плескали, вздуваясь от пола, отчего травящие вепря собаки на них казались живыми, но они не заинтересовали герцогиню. «Похоже, там сквозняк», – мелькнуло у нее в голове.

Севаста приподнялась на локте, пытаясь лучше рассмотреть, откуда тянет ветром. Конрад Швабский лежал рядом с нею, раскинувшись в блаженном изнеможении. Никотея чуть заметно усмехнулась – как учила некогда Мафраз, если желаешь чего-то добиться от мужчин, обращай с ними так, чтобы даже несчастье с тобой они предпочитали счастью с соперницей.

Уроки знойной персиянки не прошли даром. Этой ночью Конрад впервые узнал, какой может быть женщина, и озадачился вопросом: кто же были все те, с кем он прежде встречался в постельных баталиях. Неожиданно для себя Никотея тоже почувствовала, что между нею и этим рыжим мускулистым варваром существует какая-то непонятная ей связь, но это ощущение вовсе не порадовало ее. Привязываться, а уж тем паче влюбляться она не собиралась.

Герцогиня мотнула головой, словно пытаясь отогнать непрошенный морок, и с удивлением увидела сморщенную, помпезно одетую старуху, неподвижно восседавшую на табурете в углу опочивальни.

Заметив пробуждение госпожи, та, ни слова не говоря, поднялась и хлопнула в ладоши. По этому сигналу из-за вздуваемой сквозняком занавеси появились, точно выплыли, четыре дебелые вальжные девицы. Каждая с платьем в руках.

Старуха, кланяясь, приблизилась к супружескому ложу, чтобы помочь герцогине подняться, и на довольно сносной латыни предложила ей выбрать сегодняшней наряд.

Никотея молча ткнула в одно из них, отворачиваясь, чтобы скрыть досаду. Ей вдруг представилось, что, проснись Конрад хоть на миг до нее, в комнату наверняка бы ввалились увальни вроде тех, что вышиты на гобелене. В каком виде они могли бы ее увидеть?!

Невзирая на проповеди сестер-монахинь, воспитывавших дочь Анны Комнины на протяжении нескольких лет, Никотея не только не верила в греховность плоти, но и откровенно гордилась своей красотой. Однако не подобает демонстрировать всем и каждому то, что предназначено восхищенным взорам немногих. «Эту церемонию надо будет изменить», – подумала знатная ромейка, скрывая досаду и еще раз за сегодняшнее утро сожаления об отсутствии Мафраз.

Наскоро омывшись теплой водой из серебряного рукомойника и с помощью служанок придав себе вид гордый и величественный, Никотея вышла из опочивальни. Ночные стражи резво подскочили с лавок, на которых дремали последние часы, с усердием выражая нерушимую преданность и набирая воздух в грудь, чтобы прокричать здравицу молодым.

– Тише, он спит, – властно остановила их герцогиня, и эти слова, произнесенные на латыни, к ее радости были столь выразительны, что не нуждались в переводе.

Никотея обвела взглядом обветренные лица соратников мужа. Все как один – воинственные бородачи, мало склонные к каким бы то ни было размышлениям.

Севаста видела подобных людей в Константинополе среди наемников. Такие не боятся смерти, ибо не слишком отличают ее от жизни. Хорошо, что они есть под рукой у Конрада, прекрасно, что их много, но сейчас ей нужно было совсем другое.

– Где рыцарь Гринрой? – осведомилась она.

– Я здесь, моя госпожа. – Рыцарь Надкушенного Яблока появился на пороге. – Все выполнено.

– Что «все»?

– Все, как вы велели. Вернее, велели бы, если бы изволили подняться до того, как я исполнил то, что вы пожелали бы велеть в противном случае.

– О чем ты? – ошарашенная услышанным проговорила Никотея.

Она была большой почитательницей ораторского искусства, но с утра подобные фразы не укладывались у севасты в голове.

– По вашему невысказанному, но воспринятому мной желанию я распорядился нагреть купальню и подготовить воду для омовения.

Никотея поглядела на Гринроя почти с нежностью. Она сделала знак безмолвно ждущим дамам свиты сопровождать ее и, поблагодарив спасителя, попросила его идти рядом, указывая дорогу.

– Гринрой, мне нужна твоя помощь, – произнесла она, когда процессия наконец покинула дворец и отправилась в старые римские термы, не так давно приведенные в порядок по требованию севасты.

– Госпожа может рассчитывать на меня не менее, чем я сам.

Никотея улыбнулась. Этот ловкий пройдоха был ей по душе.

– Насколько мне ведомо, в вашей стране существует довольно странный обычай выбирать императора...

– Отчего же странный? Когда Господь распределяет волю свою на двенадцать особ, как пахнет за столом, получается намного забавнее, чем ежели бы все случалось этак попросту, меж родней. Время от времени людям надо давать позабавиться, иначе их охватывает вздорное желание сетовать на судьбу и хвататься за оружие.

Никотея вспомнила, как в смертный час ее деда милейший дядя Иоанн с телохранителями захватил императорский дворец и отстранил от трона ее мать и отца. «Среди родичей это тоже бывало забавно!»

– Сейчас, когда император мертв, на его место прочат Конрада и еще кого-то. Кого же?

– Есть две кандидатуры. Первая – Лотарь Саксонский, он немолод, не слишком богат и не имеет особого влияния на ход дел в Империи. Хотя довольно хитер и себе на уме. Вторая – герцог Баварии Генрих, прозванный за храбрость Львом. Этот куда серьезнее.

– Львом? – переспросила Никотея. – Он действительно так храбр и силен?

– О да, этого у него не отнять.

Герцогиня внимательно поглядела на спутника:

– А что отнять?

– Для начала – голову, – делая задумчивое лицо, ответил Гринрой. – Хотя для этого надо уже быть императором. А пока можно лишь возблагодарить Господа за то, что, наделяя Генриха талантами, он не слишком расщедрился, отвешивая мозги в посудину над его плечами. Но толпа любит его и почитает непобедимым.

Никотея сложила губы в грустную улыбку. Что мудрить, ее Конрад также не блистал тонким разумением и познаниями в деле управления государством, но ежели выбирать следовало именно по этим качествам, то, возможно, Империя надолго бы осталась без правителя, как уж тут ни выбирай. Не сажать же на престол самого Гринроя?!

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Никотея попыталась сосредоточиться на воображаемой фигуре Генриха Льва.

Однако в голову почему-то лезло воспоминание о Константинополе, о льявнике, в который очень давно водил ее венценосный дед Алексей Комнин. «Львы не охотятся, – вспомнилась ей брошенная тогда василевсом фраза. – Они лишь охраняют свою территорию. Добычу приносят львицы. Как ты знаешь, – говорил владыка Константинополя, – само наименование

«василевс» означает «идуший путем льва», потому он и ведет себя, как лев. Так что накрепко запомни, моя девочка, чего следует ожидать от земных владык и о чем заботиться самой».

Из константинопольского льятника ее мысли перенеслись в знойные пустыни Ливии, где эти грозные звери обитали на воле. Сейчас в тех землях, обливаясь потом и не жалея крови, мчались в бой собратья Гринроя – такие же, как он, обладатели золотых рыцарских шпор...

«Лев охраняет территорию, – подумалось Никотее, – а Генрих Лев к тому же хочет сделать своей территорией все земли Империи. Надо придумать ему другое занятие, чтобы добиться успеха».

– Скажи, Гринрой, – обратилась она к сопровождающему, – отчего вдруг столь доблестный рыцарь, как герцог Баварский, не отправился в Святую Землю, дабы отвратить сарацинов от мысли отвоевать гроб Господень?

Гринрой удивленно поглядел на хозяйку. Он прекрасно знал, что ромеи недолюбливают воителей, принявших крест.

– Кто знает, может, о землях своих печется, а может, отчего и недосуг. У него под боком своих язычников хватает.

– Язычники? – заинтересованно переспросила Никотея.

– Да, пруссы. Совершеннейшие дикари. Живут в лесах и болотах. Никому прохода не дают.

– А разве не подобает христианскому рыцарю, принесшему обет нашей матери Церкви нести слово Божье народам, прозябающим во тьме духовной?

– Оно, конечно, так... – с сомнением подтвердил Гринрой. – Но чтоб эту тьму разогнать, не одну деревню зажечь придется.

– Стало быть, – гнула свою линию севаста, – если римский понтифик объявит крестовый поход на этих самых дикарей-пруссов и прочих северных варваров, есть немалая вероятность, что Генрих Лев примкнет к нему.

– Да, но... – Гринрой осекся, улавливая мысль герцогини. – Но тут нам понадобится верный и чрезвычайно смысленный человек, имеющий духовный сан и к тому же не менее ловко владеющий словом, нежели ваш муженек и мой господин – рыцарским копьем.

– Несомненно, ты прав. Нам очень нужен такой человек.

– У меня есть один на примете, – обнадеживающе заверил рыцарь Надкушенного Яблока. – Мой дядя Эрманн – аббат монастыря святого Стефана, неподалеку от Аахена.

– Он надежный человек?

– Да уж, вне всякого сомнения. Я вырос при этом самом монастыре. Дядя Эрманн заменил мне отца, мать, няньку – в общем, всех родственников и учителей, вместе взятых. К тому же преподобный Эрманн уже сослужил вам некоторую службу.

– Какую же?

– Именно он извлек из пыли веков неведомый даже в те самые века трактат о блаженной великомученице Никотее.

Герцогиня остановилась и пристально впиалась глазами в лицо собеседника. На физиономии Гринроя в этот миг читалось столько возвышенного благолепия, что усомниться в достоинствах рекомендуемого им родича было так же неуместно, как и в подлинности названного трактата.

– Ты прав, друг мой. Столь разумный, многомудрый святой отец будет нам полезен, хотя, как мне представляется, в Рим ему удобней отправиться уже в сане викария, а в скором будущем – архиепископа Кельнского.

– Я могу передать ему это? – вкрадчиво осведомился Гринрой.

– Да, – без малейших колебаний ответила Никотея.

– А как же нынешний архиепископ?

– Это уже мое дело. А ты позаботься еще вот о чем: в ближайшее время необходимо собрать здесь как можно больше вельмож, в том числе – и в первую очередь – князей-электоров. Думаю, великий рыцарский турнир в честь нашей свадьбы с Конрадом – достойная причина для этого.

– Несомненно, моя госпожа.

– Тогда к полудню сообщи мне, что необходимо сделать, чтобы все обставить наилучшим образом.

Никотея ступила на крыльцо купальни, и склонившийся пред ней Гринрой подумал с нескрываемым удовольствием: «Наступают весьма забавные времена».

Всякий, кто впервые попадает на зеленые, радующие глаз луга Нормандии, наблюдая неспешное, глубокомысленное брожение пасущихся коров, любясь башнями замков, гордо царящими над округой, никогда не представит, каким грозным и подчас кровавым было прошлое этой земли.

За три века до того, как обозы с подарками для короля Франции выкатили из Руана в Париж, змееголовые дракары викингов причалили к этим землям. Такое случалось и прежде. Но на этот раз они причалили не для того, чтобы, ограбив побережье, вновь устремиться в море, а чтобы остаться здесь навсегда. В те годы северные земли, точно вулкан, извергающий потоки лавы, выбрасывали из себя великое множество смельчаков, не желавших повиноваться законам набирающих силу конунгов. Где только не появлялись их утлые, но быстроходные суда с бесстрашными – воистину, железными – экипажами, готовыми сражаться до смерти, а если можно, то и после нее.

Земли Нормандии получил один из таких северных вождей – Ролло Пешеход. Король Франции, измученный набегами норманнов-викингов на свои владения, даже и на сам Париж, даровал разбойничьему атаману феода в устье Сены, герцогский титул, а заодно и руку своей дочери. Стоит ли говорить, что очень скоро все побережье было заселено воинственными искателями легкой наживы, и в медный грош не ставящими короля, да и собственного герцога почитающими не так, чтобы слишком. В оправдание незадачливого монарха возможно привести лишь то, что далеко не он один пытался обрести мир в обмен на землю.

А норманны продолжали идти и идти, захватывая все новые территории в разных концах света: Русь, Ютландия, Британия, Ирландия, Шотландия, Фризские земли, французские, а дальше пуще – южная Италия, Северная Африка и какие-то далекие края, только и оставшиеся в легендах счастливой цветущей страной Винланд. Впрочем, со временем яростный пыл завоевателей уходил в прошлое, а торговые связи между сородичами оставались. Потому-то из далекого гнезда Сокола Рюрика, из господина Великого Новгорода шли в Нормандский Гавр ладьи с черными соболями, чернобурыми лисами, белками, куницами и прочим пушным товаром. Конечно, не только из Великого Новгорода, да и из него не одни лишь меха: мед, пенька, знаменитые на всю Европу брони новгородские...

Но Фулька Анжуйского на данный момент интересовали именно меха, и по большей мере потому, что среди них он устроил себе временное убежище.

Поздний август радовал жителей Франции нежаркой, но солнечной погодой. Белые облака на горизонте временами представлялись далекими парусами, и ветер, то и дело впадавший в дрему, порою все же просыпался и вздымал их в небесную синь, надувая облачные фигуры одна диковиннее другой.

Наследнику Анжу было не до солнца и не до облаков. Он больше бы обрадовался, если б за бортами повозки внезапно ударил мороз, поскольку среди груды собольих шкурок царила невероятная жара. Кроме того, уже пару часов Фулька терзала необходимость срочно покинуть возок и уединиться в придорожных кустах, помышляя о высоком. Небольшой запас еды и флягу с вином он прихватил с собой в дорогу, но это...

Забираясь в возок, юный граф вовсе не планировал задерживаться там надолго. Он надеялся выбраться из него вскоре после того, как кортеж покинет стены Руана. В конце концов всякий при французском дворе знал кравчего его величества, а объяснение, что делал вельможа среди королевских подарков – дело пятое. Не стражникам же с возницами о том рассказывать?! Напился и заснул – вся недолга. Но увы, надеждам Фулька Анжуйского не дано было сбыться – едва возы выкатились за городские ворота, как к говору французской стражи начало примешиваться звучное нормандское наречие.

В отличие от латинизированного языка галлов этот говор был перенасыщен данскими и свейскими корнями. В Анжу нормандцы были не редкостью, и Фульк хорошо понимал их речь, слабо доступную жителям Иль-де-Франс.¹¹ Изредка северяне обменивались фразами с прочими стражами, но по большей части говорили между собой.

Сейчас, корчась от нестерпимой муки, Фульк уловил слова, доносившиеся за бортами фургона...

– ...Ведь кто таков по сути этот Роже Сицилийский? Так, выскочка, мародер... Он взял герцогство на копье в тот час, когда здесь, что мудрить, и сражаться было некому. Точно конокрад, похитивший коня у зазевавшегося хозяина.

– Точно-точно, конокрад! И продал его толстяку, совсем как уворованную лошадь. Для рыцарей нашей земли это несмыаемый позор, – продолжал гнуть свое первый голос.

Фульк Анжуйский сцепил зубы, чтобы не выдать себя стоном. Не было сомнений, что среди дворянства Нормандии далеко не все с радостью приветствовали возвращение герцогства в материнские объятия Франции. Но здесь речь шла не просто о недовольстве.

– Если королева Мод и ее заморский жених согласились отдать толстяку наши земли, то как не вспомнить о потомстве Рауля Д'Иври, ведь он был младшим братом Ришара I Благословенного. И кому, как не его потомкам, владеть герцогским венцом.

– Да-да! Он прямой наследник Ролло Пешехода, не то что этот Отвилль, посаженный наместником в Руане.

– Ничего, пусть себе покуда сидит и задает гнусному обжоре ужины да обеды. Все, кому дорога Нормандия, в богородицын день соберутся в Канне.

– Беда только, что король не останется в гостях до того дня.

– Ну, это как сказать, – насмешливо ответил первый всадник.

Чуть не плача от унижения, Фульк Анжуйский свернулся в клубок, обхватывая руками колени и катаясь в меховой колыбели, чтобы хоть как-то унять страдания. И все же слова, доносившиеся из-за кожаного полога, застряли в его памяти, точно вбитые гвозди.

«Это мятеж! – думал он, ворочаясь с боку на бок. – Надо предупредить короля! На первой же стоянке выскочу, и будь что будет! Если не предупредить Людовика, они могут поймать его, точно щегла в силки!»

Долго ли, коротко ли, кортеж остановился на привал. Полуденное солнце жгло, заставляя всадников укрываться в тени ближайшей рощи. Фульк услышал, как спрыгивает с козел возница и распрягает лошадей, как удаляются голоса стражников.

«Кажется, самое время! – быстро выбравшись из мехового плена, он высунул нос из-за полога. – Вроде все тихо». Одним движением он соскочил наземь и...

– Ага! Есть! Попался!

Никогда нормандская речь так не раздражала молодого графа. Он схватился было за меч, но вдруг с отчаянием понял, что сейчас он просто не в силах управляться с оружием. Между тем четверо мужчин, судя по внешнему сходству, несомненно, братья, со всех ног мчались к нему с обнаженными клинками. Еще вчера вечером подобные, хотя и более тонкие, черты лица вызывали в нем сильнейший душевный трепет. Нынешние чувства были совсем иного рода.

¹¹ Иль-де-Франс – область Франции вокруг Парижа.

Понимая, что в этих условиях бой невозможен, Фульк кинулся наутек – туда, где слышался гомон возниц, плеск волн и ржание коней.

– Грабят! – заорал кравчий первое, что пришло ему в голову. Ему ужасно не хотелось привлекать к себе излишнее внимание, но он понял, что все это время братья де Вальмон, разгадавшие королевский план, но не смея обыскивать возы, просто подстерегли его, точно выкуривали лису из норы. И что попадись он в их руки, расправа по суду, или же без суда, будет одинаково скорой. А потому сейчас он бежал, не чувствуя земли под ногами, и вопил как оглашенный, надеясь хоть немного задержать мстительных нормандцев.

Но те были совсем близко. Как охотники, умело загоняющие быстроногого оленя, они ловко отрезали Фульку дорогу к выпасу и теперь вытесняли его в сторону высокого обрывистого берега Сены. Граф Анжуйский уже сполна осознавал это, но иного пути не оставалось. Он пробовал метнуться вправо, влево, но тщетно. Де Вальмоны каждый раз становились у него на пути. Еще минута – и Фульк Анжуйский оказался у самой кромки берега, на краю утеса, отвесно уходящего в речную глубину.

Братья с обнаженными мечами приближались к обидчику осторожно, без суеты и спешки. Вдали виднелись возницы и стражники, с интересом наблюдающие за происходящим. Никто из них и не думал связываться с воинственными нормандцами, должно быть, принимая кравчего за пойманного на месте преступления грабителя.

Фульк отступал, держа в поле зрения каждого из де Вальмонов. Те подходили все ближе, шаг за шагом, готовые ринуться в бой. Юноша оглянулся – Сена катила свои зеленоватые волны, неся в Атлантику начавшие опадать листья.

«Помилуй меня, Господи!» – прошептал он и, резко оттолкнувшись, бросился в воду.

Федюня и его спутники шагали по изъезженному повозками тракту, по разбитым колеям, змеями ползущими с холма на холм.

– До Лондона путь неблизкий, – развлекая беседой немногословного парнишку, вещал Гарри. – Кораблем бы оно быстрее да сподручнее, но только где денег взять... И то сказать, ежели мимо Принстона морем идти, можно и вовсе жизни лишиться. Там живет чудище морское, прозываемое Кракемар – ни дать ни взять, аспид подводный, только длиннющий, вон как та сосна, – он указал на одиноко растущее дерево, – или еще длиннее. Но лицо у него, сказывают, человечье, и глазища – просто жуть! Он этими глазищами на любых храбрецов оторопь наводит. А то еще может обвить корабль и переломить, точно краюху хлеба. Так что сушей – оно спокойнее.

– Нет, дяденька, не спокойнее. Откуда же покою взяться, когда всяк на ближнего как на врага смертного глядит, и оттого в душе яд копится и душу в труху разъедает. А Кракемар – он по сути добрый, любой твари помочь готов. То, что корабли ломает, – то байки. Ну а касательно страха, то ведь если ему в душе гнездиться негде, он человека и не донимает. Не Кракемар пугает, а злодей, ядом своим уязвленный, страшится.

– Чудно ты говоришь, малый, – с недоумением поглядел на спутника Гарри. – Да и почему тебе знать. Ты небось и не бывал в тех местах.

– Верно, не бывал, однако ж, мне сие доподлинно ведомо.

Гарри покачал головой. Он хотел еще что-то добавить, но тут в беседу вмешался один из тех двух завсегдатаев дорожной обочины, который совсем недавно поспешил вслед юному чудодею.

– А скажи-ка, дружок, – нищий замылся, не зная, как и величать Федюню, – ты вот нынче чудеса творил...

– Куда ж мне чудеса-то, – с удивлением поглядел на него отрок. – Да и где в том чудо – помог встать хорошему человеку. Идти-то он сам пошел.

– Ну, коли не хочешь – не говори. А еще чего такого умеешь?

– С конями управляюсь, кольчугу чистить могу, кашу варить, на дудке играть.

Нищий удивленно поглядел на приятеля – среди перечисленных мальчонкой достоинств не было ничего, заслуживающего внимания. Они бы давно повернули обратно, когда б не чудесное исцеление, которому недавно сами были свидетелями.

– Ну, коли так, то и ладно, – вздохнул нищий, – а то б сказал, уж ежели вместе идем.

– Не заговаривай мальчонку, – оборвал его Гарри. – Что хотел – то сказал. А чего говорить не желает, нечего клещами тянуть.

– Так любопытно ж, – хмыкнул нищий.

– А мне любопытно, как скоро вы вон в той роще хворосту наберете. Потому как, того гляди, потемнеет, а еду какую-никакую приготовить след.

Разочарованные отсутствием чудес, побирушки со вздохом признали правоту собрата и отправились в лес по дрова.

Нехитрый ужин спутников Федюни никто бы не назвал обильным: презираемые всеми прочими грибы, репа, нарытые здесь же коренья, да несколько ломтей хлеба из дневного улова придорожной братии – вот, собственно, и все. Костер, сложенный неподалеку от дороги, давал немного света и чуть больше – тепла. Лучше, чем ничего.

Ни Федуне, ни его свите было не привыкать коротать ночь под открытым небом.

– Эх, – вздохнул болтливый нищий, – и почему я не лорд? Живут люди в замках, едят от пуза, всех забот – убивай, кого скажут.

– Да разве ж в чертоге золотом радость обитает? Разве ж три горла у тебя, чтобы куски в них запихивать? Живи, как живется, да радуйся малому. Когда малому не рад, а лишь великого ждешь, тщетны будут дни твои, и часы твои уйдут, как сосульки в капель. Касаемо же убиения – невелика наука ближнего губить, это и впрямь кто поспорит. Да только мертвого того весь свой век на закорках носить будешь, и сколько бы ни убил – всех потащишь, пока самого тебя они в землю не положат. Не убежишь от этакой ноши, не укроешься.

– Так ведь на том свет стоит – один другого топчет, – попробовал оправдаться его собеседник.

– Неверно это...

– Эй, доходяги, – неподалеку послышался хруст ломающейся под ногой ветки, – кто вы такие и с чего вдруг в моих землях костер жжете?

Из темноты, особо густой за пределами освещенного пламенем круга, вышел коренастый бородач с кинжалом у пояса. Его одинаково можно было принять как за лесничего, так и за разбойника, промышляющего в местных чащобах.

– Люди перехожие, – поспешил с ответом Гарри. – Идем, никому обиды не чиним, живем подаяннем.

– Да уж, на купцов не похожи, – придиричиво оглядывая компанию у костра, усмехнулся незнакомец. – Однако ж, закон у нас для всех един: коль трактом этим шагаете да в лесу на ночлег становитесь – развязывайте мошну.

– Была бы мошна... – вздохнул Гарри.

– Мне-то что за дело? Хоть кресты нательные отдавайте. – Он протянул руку к Гарри и достал из-под его рубахи простое оловянное распятие. – Невелик навар, – констатировал ночной гость.

Оба нищих тут же продемонстрировали, что на них тоже не наживешься.

– Что ж за шваль-то такая?! – выругался разбойник. – А у тебя что?

Он ухватился за ворот Федюниной рубахи.

– Оставь его! – крикнул Гарри, выхватывая из костра горящую ветку.

– А ну не балуй. – Разбойник свистнул, и из темноты с разных сторон послышался ответный свист. – Желаете, чтобы вас тут стрелами истыкали?

– Не надо, дяденька, – проговорил Федюня.

– То-то же. – Грабитель насмешливо скривил губы и запустил руку мальчонке за пазуху. – О, тут что-то есть!

Он извлек это «что-то» и уставился на него, пытаясь сообразить, из чего сделана диковинная вещица, попавшая в его руки.

Уж точно сия штуковина не напоминала крест: три сплетенных кольцом змеи, кусающие свой хвост, на шее каждой из них красовалось нечто вроде крошечного перстня с алым камешком. Невесть из чего были сделаны переплетенные змеи, уж точно не из золота. Вроде даже из обычного железа, да только отчего-то казалось, будто в железе том словно молния золоченая играет.

– Занятная штучка. – Лесной житель сжал было пятерню и тут же отдернул ее.

Ему показалось, что три тонкие иглы впились в ладонь, точно железные змейки разом куснули его.

– Да это что же. – Он осекся, чувствуя, как наливается свинцовой тяжестью подраненная рука.

Он снова попытался прикрикнуть, но горло его перехватило, и ни вдох, ни выдох не проходили сквозь него. Дернулся, хватаясь здоровой рукой за плечо странного мальчика, и вдруг увидел, как на месте, где только что стоял тот, взметнулась выше деревьев чья-то голова на длинной змеиной шее. Два пылающих, точно горны плавильной печи, глаза неотрывно глядели в самую душу разбойника, и он, того не желая, затосковал, что не умер вчера.

– Ступай, – услышал он негромкий шелестящий голос, – боль твоя в тебе живет и останется она с тобой, пока не избудешь ее.

– Помилуй, Кракемар! – просипел разбойник и обессиленно рухнул на колени, неотрывно глядя в сверкающие глаза. Как ни крутил он головой, как ни отворачивался – взгляд следовал за ним неотступно.

Глава 5

Ни один победитель не верит в случайность.
Фридрих Ницше

Тмуторокань, именовавшаяся в Константинополе Матрахой, а окрестными кочевниками – Тамар-Тарханом, с давних, еще хазарских времен служила важнейшей базой, обеспечивавшей торговые пути хазарского каганата и ромейской империи. Сюда шли караваны с Востока, везущие драгоценный шелк и пряности, но с тех пор минуло немало лет, секрет шелководства уже давно похитили из Поднебесной цареградские монахи, да и хазары большей частью были истреблены или же ушли на запад, в Полонию и Венгрию, чтобы раствориться там меж коренных народов. Земли же эти вместе с древним городом достались победителям – руссам.

На месте старого городища возвели новую крепость со стенами из обожженного кирпича и башнями в черненых шеломах. Эта цитадель зорко охраняла как побережье Эвксинского Понта, так и вход в Миотийское болото, считавшееся тоже морем.

Тмутороканское княжество не было лакомым куском при распределении уделов между родней Великого князя: ни тебе особых богатств, ни обильной охоты – степь да море. Караваны ушли в прошлое и не вернулись оттуда, зато кочевники досаждали как прежним властителям Тамар-Тархана, так и нынешним князьям Тмуторокани. Посылаемые князем разъезды и заставы держали ясов и касогов с печенегами в напряжении, но как отбить у соседней охоту к набегам, когда сие достойное истинного мужчины занятие от века почиталось здесь единственным промыслом, заслуживающим уважения.

На высоком насыпном кургане, украшенном уродливым изваянием какой-то местной жительницы, разглядывая крепость, стояли два всадника. Один из них, судя по одежде, был здешним степняком-касогом, второго же по его манере общения можно было принять за ромея, хотя и весьма бойко говорящего на языке руссов.

– ...Видишь вон те кресты на колокольне? – Заморский вельможа указал пальцем на храм, возвышающийся над крепостной стеной.

– Вижу, кеназ.¹²

– Три года назад мой родич Мстислав закончил строить эту церковь Богородицы, и я клянусь, что сровняю ее с землей, как только город окажется в моих руках.

– Зачем, достославный Дауд ибн Эльги? Ведь это же дом твоего бога.

– Весь мир – дом моего бога, Тимир-Каан. А это, – он ткнул в мерцающие в лунном свете кресты, – тоже напоминание о Мстиславе. Я сокрушу его и изгоню из памяти людской, как сокрушил и изгнал моего отца Владимир Мономах. Я сокрушу этот храм и построю куда больше и выше.

Всадник, которого ромей величал Тимир-Кааном, удивленно поглядел на спутника.

– Мы не строим таких больших домов для богов, но почитаем их. И не гневим ни старых, защищавших наш род в прежние времена, ни того, чье имя принесено нам Пророком, ни каких других. К чему обижать тех, на чью силу у тебя нет аркана?

– Тебе не понять этого, – отмахнулся князь Давид. – Расскажи лучше, знаешь ли ты, где слабое место в этой крепости?

– Нет слабее места в обороне, чем сердце защитника. Если же оно сильно – и голая степь может стать неприступной твердыней.

---

¹² Кеназ – князь (тюркск.).

– Оставь свои глупые рассуждения, Тимир, у меня не так много сил, чтобы долго осаждать Тмуторокань. Мне нужно знать точно, где ударить. Ты получил достаточно золота, чтобы помочь мне.

– Касоги давно не воевали с руссами, – вздохнул его собеседник. – Я действительно получил хороший бакшиш. Но ты, видно, хочешь, чтобы я за эти деньги погиб сам, а заодно погубил своих воинов? Тогда зачем нам золото?

– Я пойду в бой вместе с вами, и мои люди – тоже.

– Ты храбр, Дауд. Иначе бы и говорить с тобой не стал. Но сердце, даже если это сердце барса, не заменяет воину ума. Я помогу тебе взять крепость, конечно, если ты послушаешь меня. Но не проси меня искать смерти – она сама отыщет меня, отыщет и тебя.

Чуть свет в ворота Тмуторокани влетел гонец на взмыленной лошади.

– Из Киева от князя Святослава Владимировича, – прохрипел он, едва не падая из седла. – К князю, немедля!

Князь Глеб, правивший в Тмуторокани, не ждал нынче почты из стольного града, однако же, что означало появление такого всадника, понимал без лишних слов.

Гонец, еле идущий на подкашивающихся от усталости ногах, предстал пред ясны очи князя так быстро, как только смог.

– Касоги шли на Переяславль набегом, – коротко сообщил он. – Их отбили от Донца, многих в сече порубили, остальные ушли в степь. Там им дорогу перерезали, они сюда повернули – и полудня не перейдет, здесь будут.

– Спасибо Великому князю за упреждение, – склонил голову Глеб. – Станем в станах насмерть, не пустим супостата!

– Великий князь повелел сказать, что ежели ворота закрыть, то, пожалуй, касоги все погнут, посады да села в округе пограбят и к себе на Белу Вежу уйдут. Их тут всего-то на полдня задержать надо – следом за касогами Тимир-Каана сам Великий князь с большой дружиной поспешает.

– Да как же их удержишь? – удивился Глеб. – У Тимир-Каана всадников без счета, а я тут сотни три, ну, с городским ополчением – пять, в поле выведу.

– И то немало. Степняки в схватках потрепаны, бежали три дня без продыху, все как один уставшие. Увидев рать, сами в схватку не полезут.

– И что с того, – покачал головой князь Глеб, – все едино их по пять, а то и по десять воинов на одного моего выйдет.

– Великий князь Святослав передал, что ежели дружину перед Тимир-Кааном поставить, да сразу человека к нему послать, то касоги сами в драку не полезут, особо ежели им дать понять, что в поле лишь малая рать, а в стенах городских еще столько да столько же осталось.

– Ну, положим, – прикидывая шансы, кивнул Глеб.

– Так, стало быть, когда согласится Каан за выкуп уйти, тут и следует его байками кормить, покуда Великий князь с войском не подспеет. А там мы Тимирку точно меж двумя ладонями прихлопнем.

– Как бы та муха осой не оказалась, – с сомнением ответил князь.

– А чтобы ты веру к моим словам имел, вот... – Гонец вытащил из-за пазухи массивный перстень с резной печаткой в виде Георгия, поражающего змея. – Узнаешь ли знак сей?

– Узнаю, – вздохнул Глеб. – Сей перстень Владимир носил.

Он положил руку на крестовину меча:

– Что ж, Великий князь Святослав Владимирович в роду старший, мне за отца. Отчому слову противиться грех. Эй, – он повернулся к воеводе, – вели звонить в набатный колокол!

Лис вдумчиво поглядел на хозяина припортовой корчмы:

– Ну, слава богу, значит, мы успели вовремя!

Содержатель питейного заведения недоуменно уставился на тощего верзилу с переносицей, в силу жизненных передраг приобретшей форму буквы «S». Невзирая на добротную, можно даже сказать, богатую одежду, посетитель не производил впечатления человека благопристойного и законопослушного. Но это были пустяки. Среди братии, вываливавшей в город из порта в поисках дешевого вина и женщин, праведников видеть ему не доводилось. Однако никогда прежде не встречал он людей, которые, прибыв в порт, радовались бы отсутствию фрахта, да к тому же кажется, что и новость о волшебным образом расплодившихся валлийских змеях тоже пришлась гостю по душе.

Хозяин удивился бы еще больше, когда б узнал, что широкоплечий молчаливый спутник этого кривоногого, кивающий в такт его словам, полон такого же недоумения, как и он сам.

– Лис, ты уже что-то надумал? – раздавалось на канале закрытой связи.

– Не без того, – ответил Сергей. – Я ж так понимаю, что всякие гады, будь то безногие или ногатые, не могут свернуть нас с намеченного пути.

– А конкретнее?

– А шо конкретнее? То, шо наш мальчик пошел вразнос, еще не означает, шо он пошел туда быстро. Стало быть, если мы скоренько на ту сторону залива переправимся, есть реальный шанс его догнать.

– Это верно. Тем более что скорее всего по пути найдутся и другие желающие его поймать.

– Отож, – согласился Лис. – А ежели его словят до нас, то мало ему не покажется.

– Ты что же, знаешь, где его искать?

– На этот предмет у меня есть соображения. Сам посуди: Федюня в Уэльсе человек новый, друзей-знакомых не имеет – стало быть, кого он еще будет разыскивать, очутившись на свободе? Можешь не брать дополнительную минуту на размышление. Нас!

Камдил на секунду задумался:

– Ты хочешь сказать, что он непременно узнает, куда девалась дружина Мстислава, и, узнав, отправится в Лондон?

– Че б я это хотел говорить, когда ты сам все сказал? Как же не узнать, если о том весь остров гудит?

– Угу... может, ты и прав. Оттуда в сторону Лондона ведут три дороги...

– Вот именно! Так шо есть деловое предложение: разделяем наших людей на три заставы, и вперед, аллюр три креста, перекрывать дороги. Федюню они видели – узнают. А мы возьмем с собой человека эдак четыре, и вперед на мины. Ордена потом.

– Если можно, все-таки подробнее.

– Подробнее: мне нужна группа энтузиастов с лопатами – накопать земли в ближайшем лесу. И я тебе обещаю, шо завтра утром, если Бристольский залив вдруг не покроется льдом или же, наоборот, не вскипит, мы будем на том берегу.

Лис перегнулся через стойку и, положив руку на плечо корчмаря, притянул его к себе:

– Приятель, у тебя, часом, нету среди друзей или родственников шкипера, желающего получить серьезные деньги за плевое мероприятие?

Передовые конные разъезды касогов появились у стен Тматорокани около полудня. Это был хороший знак – обычно степняки нападали чуть свет, стремясь использовать внезапность и этим компенсировать отсутствие осадной техники. Они наступали, практически не таясь. За передовым отрядом, застилая горизонт пылевым облаком, шли тысячи всадников в длиннополых, плотно обшитых бляхами кафтанах.

Войско двигалось без обычного дикого крика, призванного вселять ужас в души противника. Даже издали было видно, что касоги утомлены долгим переходом и едва держатся в седлах.

Князь Глеб двинулся им навстречу с хоробрими витязями своей дружины под рев медных труб и колокольный перезвон. Стоило князю выехать за ворота, те захлопнулись, и городовое ополчение незамедлительно заняло места в крепостных башнях.

Остановившись на дальности полета стрелы от княжеской дружины, касоги замерли, точно удивленные столь быстрыми и решительными действиями русских.

Дружинники Глеба изготовились к бою, склонив копья и ожидая сигнала пустить коней вскачь. Но сигнала не было, только со стороны казалось, будто слышны грохочущие в унисон сердца, звучащие, словно боевые литавры. Через несколько минут от застывшего воинства касогов отделился всадник на резвом буланом коне и помчался в сторону русских.

В первый миг те решили, что степняки вызывают на бой поединщика, дабы в схватке один на один решить, за кем верх, но гарцевавший на легконогом горбоносом текине¹³ наездник, кажется, не имел иного оружия, кроме кинжала у пояса, меньше, чем в локоть длиной.

– Тимир-Каан желает говорить с кеназом Глебом.

Князь в царградской вызолоченной броне с блистающим на солнце зеркалом выехал перед строем своих богатырей.

– Что ж, коль говорить хочет – отчего ж слово не молвить? Слова не стрелы, из седла не сшибают. Пусть отведет своих людей на один стадий,¹⁴ и я отведу. А посередке и встретимся.

Гонец кивнул и, повернув коня, галопом помчал к хмурому, запыленному касожскому строю. Вскоре он вернулся, привозя в ответ согласие, но с условием взять с собою по пять телохранителей.

Глеб, продолжая тянуть время, подумав, не стал возражать, но поставил встречное условие – разбить шатер на месте беседы, а телохранителям оставаться вне шатра.

Гонец еще несколько раз преодолевал дистанцию между русскими и касогами, увозя и привозя новые требования договаривающихся сторон, пока, в конце концов, дружины не были отведены. Посреди степи в большом открытом для обзора шатре за накрытым дастарханом встретились князь Глеб и Тимир-Каан.

– Я не хочу разорять твою землю, кеназ, – отпивая кумыс из чеканной серебряной чаши, проговорил Тимир, – но мои воины утомлены и голодны. Дай мне выход¹⁵ скотом, зерном и водою, и я не причиню вреда ни тебе, ни кому из твоих людей, не разорю твое добро и не заберу в полон люд твой.

– Ты пришел в мои земли как враг, Тимир, и грозишь мне бедами и разорами, ежели не склонюсь я пред тобой. Но тому не бывать, чтобы князя Руси пред касогами, половцами, да и кем бы то ни было, выю гнули. Стен тебе этих не одолеть, а коль решишь землю мою грабить да людей угонять, я ведь следом пойду до самого очага твоего. Или запомнил, сколько годов ни единого набега на Русь без воздаяния не оставалось? Моей силы не хватит – из Киева подмогу к Тмуторокани призову. Да что там, всем миром навалимся – тогда, будь ты хоть байбак – в норе не укроешься.

– К чему мстью пугаешь, кеназ? Касоги не страшатся гибели в бою. Умереть в постели от зимних лет жизни – что может быть хуже для воина? Когда не дашь добром выход, быть меж нами сече лютой...

---

¹³ Текин – конь ахалтекинской породы.

¹⁴ Стадий – расстояние, проходимое человеком спокойным шагом за время восхода солнца, то есть в течение 2 минут. Приблизительно 178 м.

¹⁵ Выход – дань.

Беседа шла по кругу, возвращалась в иных выражениях к угрозам, посулам и предложению Глеба, чтобы Тимир-Каан присягнул на верность и дружбу князьям Тмуторокани. В обмен он обещал щедрые дары и провизию для касожских всадников. Но в ответ получил гордый отказ.

Смеркалось, и Глеб ерзал на месте, ожидая вестей о подходе Святослава Владимировича. В уже спустившихся сумерках, при свете факелов Глеб наконец увидел то, что так надеялся увидеть – давешнего вестника, как оговорено, мчащего перед строем с длинным белым платом в руке.

– Долго мы с тобой, Тимир-Каан, речи держали, однако же толку чуть, – обрывая очередную фразу собеседника, отрезал Глеб. – Ворочайся к своим да готовься к бою, ибо другу место за моим столом, врагу же – в моей земле.

– Как скажешь, кеназ, – резко выпрямился Тимир-Каан, – передаю судьбу твою в руки Аллаха милостивого и милосердного. Я же сделал, что мог.

Он вышел из шатра и скомандовал телохранителям возвращаться.

Княжьи дружинники встречали Глеба радостными криками и стуком оружия о щиты.

– Ну что? Далеко ли Святослав? – приближаясь к гонцу, спросил властитель Тмуторокани.

– Когда желаешь, приложи ухо к земле и услышишь топот копыт нашего войска. Великий князь просит тебя ударить нынче, дабы боем связать касогов и отвлечь их на краткий миг, а уж Святослав им на плечи всею силою обрушится.

– Так тому и быть. – Глеб потянул меч из ножен и поднялся в стременах. – Други мои верные, витязи мои славные! Прольем кровь супостата, напоим землю русскую, не пожалеем живота своего!

Он махнул клинком в сторону едва виднеющихся впотьмах касожских всадников, и застоявшиеся кони понесли русичей в жаркую сечу. Вдали уже был слышен клич подмоги, мчащей во весь опор, чтобы ударить в тыл касогам, смять, повалить, рассечь на части...

Точно почуяв неминуемую гибель, степняки ринулись в разные стороны, торопясь спасти головы от скорой расплаты. Точь-в-точь на одуванчик кто-то дунул, и разлетелась шапка его по всей округе.

– Ломим! – кричал Глеб во все горло, радуясь, как стремительно, без оглядки, улепетывает еще недавно грозный враг. Но вдруг Святославова рать, мчавшаяся ему навстречу, как по команде расцвела белыми плащами и, не сбавляя хода, врзалась в его дружину, сбивая с коней витязей, опрокидывая их безо всякой пощады.

В неистовом гневе повернулся князь Тмутороканский к гонцу, крича что есть силы:

– Измена!

И тут же полупудовая булава с размаху опустилась на его шлем.

– Не узнал, родич? Я – Давид Олежич, Олега Черниговского сын, – прокричал тот, хватая ошеломленного князя и выдергивая его из седла.

В это самое время касожская рать, точно и не думала мгновения назад улепетывать в панике, развернулась и, кружа в отдалении, принялась осыпать калеными стрелами всех тех, на ком не было белых плащей.

В Тмуторокани тщетно пытались разглядеть, что происходит в поле, но вопль ужаса касогов, боевые кличи руссов доносились до крепостных стен, утверждая местных жителей в уверенности, что победа все же на их стороне. Спустя всего полчаса шум боя стих, а еще через какое-то время у ворот появился вчерашний гонец с вестью о том, что касоги наголову разбиты, но князь Глеб ранен, и что след немедленно открывать ему ворота, греть воду и звать лекаря.

Очень скоро в крепость в окружении нескольких витязей вкатилась повозка, на которой с залитым кровью лицом лежал князь Глеб. За повозкой, точно за триумфальной колесницей, понурился гонимый, шли пленники. Городской люд встречал их криками гнева и презрения. Кто-

то попробовал было даже бросить камень. Больше никто этого сделать не успел – выхватив из-под одежды длинные боевые ножи, пленники бросились рубить толпу, а вслед им в открытые ворота устремились конные всадники Тимир-Каана и Давида Олежича – как один в белых плащах...

– Ловко ты придумал, – глядя со стены на происходящую в городе бойню, усмехнулся сын изгнанного черниговского князя.

– Аллах надоумил меня, как обратить силу врагов в их слабость. Но твоя выдумка с перстнем тоже была хороша. Кстати, откуда ты взял его? Ведь не Владимир же Мономах, да проткнет шайтан его чрево раскаленным вертелом, подарил тебе знак своей власти?

Давид рассмеялся:

– Видимо, никто на Руси не знает, что император Константин Мономах велел изготовить для своего внука такой же перстень, как носил сам – Владимир очень гордился этим подарком и, как сказывают, ни разу не снял. Что же касается Константинова перстня, – князь поднял руку, любуясь при свете факела драгоценным кольцом, – после смерти императора по обычаю дворец был оставлен на разграбление варяжской стражи. Отец моей доброй матушки – дука Александр Музалон – купил этот перстень у одного из северян всего лишь за два солида. Как показало время, он с толком распорядился своими деньгами, но... – Князь Давид поглядел на беспощадную резню в Тмуторокани. – Тимир, пора прекратить побоище, иначе в моем городе не останется жителей.

* * *

Стук колотушки ночного сторожа сменился истошным криком:

– Все тихо-о-о!

– Спасибо за напоминание, – хмыкнул Лис, обводя взглядом собравшихся: хозяина постоянного двора, его родича, который был представлен в качестве владельца и шкипера некой разудалой посуды, способной без риска отойти от берега дальше, чем видит глаз. Четвертым за столом личных апартаментов корчмаря сидел рыцарь в белой тунике с нашитым красным крестом.

– Господа, – патетическим шепотом начал Сергей, – феодальное отечество в опасности. Родина-мать зовет нас, и слезы льются по ее щекам, ибо кто же, если не мы, или скажем по-другому, если не мы – то кто? «То кто?» – спрошу я и отвечу: «Некому!»

Привычный к лисовским словесным фейерверкам Камдил принял вид предельно мрачный, чтобы скрыть предательскую улыбку.

– Враг ползет по зеленым холмам Уэльса. Разогнавшись на холмах, он взберется на шотландские горы, и даже последний несский лох услышит его наглое шипение! Не дадим ему стать на ноги и вытоптать луга Британии, пожрать леса ее!

– Кому? – опасливо уточнил корчмарь.

– Тому, кому нет имени, чье дыхание – ужас, и чьи глаза – смерть! – воодушевляясь еще больше, вещал Лис.

– Ну, это он в смысле, что ежели это о змеях, то у них нет ног, – пояснил шкипер.

– Несчастный! – возопил оратор. – Не ведаешь ты, что говоришь, потому что не представляешь, каковы бывают змеи с ногами! Знаешь ли ты, что есть такое тиранозаврус рекс? – внезапно спросил и тут же ответил сам себе: – Нет, ибо Господь спас тебя от встречи с ним! Так неужели же мы такие неблагоприятные глупцы, что, защищая себя же самих, не сотворим для Господа сотую часть того, что он сделал для нас?! – выдохнул Лис, сделал короткую паузу и добавил: – Кстати, к немалой для себя выгоде.

В глазах содержателя постоялого двора и его родича засветилось явное облегчение – в душе они уже смирились с участием в предстоящем крестовом походе, о котором, как им казалось, говорит странный гость.

– Явите миру реликвию! – гордо изрек Лис, и вдумчиво молчавший Камдил достал из-под плаща средних размеров дорожный сундук. – Светоч христианского мира, буквально неугасимая лампада накаливания в сто свечей, стоящих волей Божьей без единого подсвечника – наш дорогой, бесконечно дорогой! – Бернар Клервосский, прозревая насквозь ушедшее в прошлое будущее, являет настоящее в величии своем! Помолимся, друзья мои!

Все присутствующие сложили руки перед грудью, но яростный проповедник не дал им долгой передышки:

– В этом сундуке земля из могилы святого Патрика, избавившего от змей Ирландию! Эта земля полита обильным потом святого Эржена (эта гремучая смесь посильнее, чем любая гремучая змея, полная гремучей ртути)! Враги истинной веры пытались травить его змеями, но! – Лис воздел палец. – Конечно же, вы помните, чем закончилось, – проговорил он с ликованием.

– Нет, – сознались обескураженные напором аборигены.

– Когда злобные недруги вошли, святой Эржен вещал змеям слово Божье, и те кланялись в такт его словам! Преподобный Бернар велел нам прибыть в валлийские земли, и если найдется там достаточно верных христиан более, чем праведников в Содоме, готовых не только словами, но и добровольными пожертвованиями доказать свою преданность Господу, – посыпать этой землей врата городов Уэльса. Никогда отныне змеи ни о двух, ни даже о сорока ногах не коснутся освященной земли!

– Здорово! – покачал головой шкипер. – А прибыль-то в чем?

– Глупец! – сардонически расхохотался Лис. – Неужели же ты подумал, что Господу и впрямь нужно золото? У Всевышнего нет мощны, и он не платит в трактире.

– Это верно, – грустно подтвердил корчмарь, но, поймав гневный взгляд оратора, тут же закрыл рот.

– А поскольку золото не нужно Господу, то оно не нужно и преподобному Бернару. И потому он призвал меня и сего достойного рыцаря, благословил и сказал, утирая слезу: «Дети мои, я вверяю вам эту святыню для того, чтобы вы спасли землю по ту сторону пролива от козней врага рода человеческого. Несите же ее, невзирая, но в то же время блюдя неотступно и беспорочно. И ежели люди там пожелают спастись, пусть докажут это рвением своим. Однако не вздумайте везти мне грешное золото их! Возьмите толику для богоугодных дел и на прокорм свой. Остальное раздайте тем, кто станет помогать вам в сем богоугодном деле». Ибо сказано: «Ежели мне, то и аз воздам».

– Это что же, – догадываясь, о чем идет речь, всплеснул руками корчмарь, – все золото, собранное в Уэльсе, – нам?!

– Без толики на богоугодные дела и прокорм, – напомнил Лис.

– А от нас только потребуются доставить вас на ту сторону залива, а потом забрать назад?

– Ну да.

– Мы согласны, – ответили родичи в один голос.

– Как говорил то ли Маркс дедушке Ленину, то ли дедушка Ленин еще какому-то энтузиасту: «Буржуин за триста процентов прибыли сначала удавится, а потом, не отходя от кассы, пойдет на любое преступление», – послышалась в голове Камдила речь друга. – Бедолаги, они еще не знают, сколько богоугодных дел я могу придумать и сколько фунтов местных стерлингов понадобится на прокорм всей нашей оравы.

Глава 6

Без врагов моя бы жизнь стала безрадостной, как Преисподняя.
Ричард Никсон

Фульк Анжуйский греб с остервенением, слыша, как совсем рядом в воду плюхаются увесистые камни. Попади такой в голову, и местные раки сегодня не остались бы без обеда.

Намокшая одежда мешала плыть, перевязь с мечом, и при ходьбе-то бившая по ногам, теперь предательски тянула ко дну.

Как только камни начали ложиться позади него, Фульк улучил момент избавиться от оружия. «Второй меч за сутки, – с тоскою подумал он. – Плохи дела». Плыть стало несколько легче, но мысль о том, что, по сути, нынешнее удачное спасение мало что меняет в его положении, не оставляла юношу. Он был в землях Нормандии один как перст, теперь еще и без оружия. Против него выступало многочисленное воинственное семейство из знатнейших в этом герцогстве, под знаменами которого ходили в бой десятки рыцарей и тысячи воинов иного звания.

Сколько ни плыви, а когда-то придется вылезти на берег – снедаемый этими безрадостными мыслями, он греб, стараясь не спорить с течением, несшим его в сторону Атлантики.

Силы были на исходе, и Фульк, распластавшись, лежал на воде, стараясь не двигаться и надеясь хоть немного сбросить усталость, когда внезапно над головой его раздалось:

– Эй, ты жив?

Фульк перевернулся со спины на живот. Неподалеку, борясь с течением у излучины реки, на веслах шла барка. Судя по виду – чья угодно, но только не французская.

– Жив! – крикнул Фульк.

– Помощь нужна?

– О да!

На борту корабля послышалась резкая то ли алеманнская, то ли данская команда, и гребцы начали табанить веслами, разворачивая суденышко поперек волны.

– Давай-давай, гребки!

Кравчий Людовика Толстого устремился к корабельному борту и спустя несколько мгновений с облегчением ухватился за сброшенный канат.

«Спасен», – мелькнуло у него в голове.

А еще спустя несколько мгновений чьи-то крепкие руки втягивали его на палубу чужестранного судна.

– Откуда ж ты такой будешь? – пристально оглядывая гостя, поинтересовался капитан барки.

– Я... охотился тут неподалеку, – запинаясь, ответил Фульк, прикидывая, что делиться истинными причинами заплыва ему все же не стоит. Кто знает, что на уме у этих корабелов. – Конь понес, сорвался с кручи...

– А-а... охотился, – не спуская насмешливого взгляда с юноши, кивнул шкипер. – Так, стало быть, вас следует высадить на берег?

Тут Фульк понял, что сморозил глупость – конечно же, всякий здравомыслящий человек, сорвись он с кручи в реку, пожелал бы вернуться на берег. Королевский кравчий к таким здравомыслящим людям не относился.

– Пожалуй, нет, – вздохнул юноша. – Если вы идете в море, я был бы вам благодарен, когда б меня высадили в землях Франции, а лучше всего – в Анжу. Я щедро награжу вас. У меня с собою здесь нет ни денье, но поверьте – я богат, я весьма богат.

– Ну да, – кивнул, не меняясь в лице, капитан барки. – Кто ж спорит? А, стало быть, земли Нормандии вам не нравятся?

Он повернулся к одному из своих людей и добавил с деланной серьезностью:

– Наверное, охота плохая. А коли так, – капитан махнул рукой, и Фульк почувствовал, как чьи-то твердые, закаленные веслами и тросами, пальцы смыкаются у него на предплечьях, – самое время договориться о цене.

– Я хорошо заплачу! – пытаюсь вырваться, закричал королевский кравчий, но, казалось, гостеприимный хозяин его не услышал.

– Ганс, – обратился он к помощнику, – в Монфоре узнай хорошенько, что за рыбка попала к нам в сеть. И отчего вдруг он так невзлюбил Нормандию – может, здесь найдется кто-нибудь, желающий заплатить за эту голову больше, чем сам этот сосунок.

Фульк еще раз дернулся, но тут что-то тяжелое и твердое обрушилось ему на затылок, свет вспыхнул и померк в его глазах.

Утро, если, конечно, это было утро, встретило графа Анжуйского топотом ног над головой. Он открыл глаза, пытаюсь осмотреться, и понял, что с тем же успехом мог бы держать их закрытыми. Когда б не боль в затылке да запах гнилой воды, он бы решил, что врата загробного мира уже захлопнулись за ним. Фульк попытался ощупать темя, но с горечью осознал, что руки крепко связаны.

– Эй, – крикнул он, вернее, ему показалось, что крикнул.

Звук тут же отразился от стены, расположенной не более чем в футах от его носа. Помещение, где он находился, даже самый снисходительный язык не решился бы именовать комнатой. Это было что-то вроде ящика, взмывавшего вверх-вниз на речной волне.

Однако слабый возглас был услышан. Из-за дощатой стены донесся лязг железа, и Фульк закрыл глаза от ударившего в них света фонаря.

– Очухался? – констатировал капитан. – Это хорошо. Ну что ж, граф Анжуйский, рад видеть ваше плавающее сиятельство на своем корабле. Не глядите, что он неказист. Все в мире изменчиво: вчера вы ходили в шелке и бархате, а нынче... Вот я сегодня – хозяин этой трухлявой барки, а завтра... – он протянул руку к Фульку, ставя его на ноги, – что будет завтра, во многом зависит от вас.

Капитанская каюта, несомненно, была лучшим помещением на судне, однако же и здесь было понятно, отчего вдруг капитан окрестил свою барку трухлявой посудиною.

– Как вы понимаете, граф, – освобождая руки пленника и подавая ему кожаную флягу с вином и кусок козьего сыра, начал шкипер, – я уже знаю, кто вы и отчего вдруг решили поплавать в Сене, не снимая одежды. Не буду от вас скрывать также, что семейство де Вальмон готово отвалить всякому, кто доставит вас живым, сотню золотых. Мертвым вы стоите вдвое дешевле, но на худой конец тоже неплохо. Как человек честный, я предлагаю вам оценить свою жизнь так, чтобы мне не хотелось оказать нормандским волкам ту маленькую услугу, которой они столь ревностно домогаются.

– Двести золотых, – понимая, к чему клонит капитан, предложил Фульк.

– Маловато. Если нормандцы узнают, что я вам помог, – хозяин каюты похлопал себя по щеке, – моя голова рискует смотреть на это тело со стороны.

– Сколько же вы желаете?

– Триста, не считая, понятное дело, вознаграждения за спасение из речных вод и затрат на доставку вас прямехонько в Анжу. А ведь прошу заметить, до того мы держали путь во Фрисландию, а это совсем в другой стороне.

– Итого, – процедил Фульк.

– Но-но, граф, к чему скрипеть зубами? – явно любуясь произведенным эффектом, усмехнулся судовладелец. – Пятьсот монет, полагаю, достойный выкуп за голову столь родовитого вельможи.

– Хорошо, – коротко выдохнул анжуец, прикидывая, что стоит ему добраться до родного берега, и сей речной кровосос недолго будет поганыть мир своим дыханием.

– Но тут имеется еще одна загвоздка, – как ни в чем не бывало продолжал капитан. – Я, конечно же, понимаю, что, получив свободу, вы пожелаете отнять ее у меня вместе с законным вознаграждением. И потому мне хотелось бы лишить вас столь неблагоприятной для моей особы возможности. Мы, граф, сделаем так: я отвезу вас в безопасное место вне ваших земель, и неподалеку от них вы напишете письмо к отцу с просьбой собрать золото и отвезти его туда, куда я вам скажу. Если все пройдет гладко, люди вашего отца обнаружат в указанном месте записку, где будет подробно рассказано, как вас найти. На место записки они положат золото. Поверьте, если они его не положат, я об этом узнаю. И если, положив, решат устроить засаду, я тоже узнаю об этом. Тогда, скажу честно, скрепя сердце я отдам вас де Вальмонам. Поэтому в самых убедительных выражениях попытайтесь втолковать отцу, чтобы он не делал глупостей.

– Но почему я должен верить вам? – уныло отозвался Фульк.

– Я честный человек, – убежденно ответил капитан. – Да и к тому же у вас нет иного выбора.

* * *

Никотея спешила: ей казалось, что сколько бы ни было у нее времени для того, чтобы завладеть венцами обеих империй, его чертовски мало. А успеть нужно очень и очень много. Оставив Гринроя заниматься устройством рыцарского турнира, она сейчас тщательнейшим образом изучала местные особенности той многотрудной науки, которая в ее родном Константинополе звалась «искусством жить при дворе». Имена герцогов, графов, князей, епископов укладывались в прелестной головке севасты в четкие и ясные схемы, точно легионы перед боем. За считанные недели до начала грядущего рыцарского праздника ей следовало назубок – лучше всякого герольда – знать родственные связи принцев-электоров: их отношения между собой, имена и влияние любовниц каждого из них, жен, духовников, вкусы и интересы. Даже в храме, когда всем казалось, что новообращенная герцогиня Швабская истово молится, она чуть слышно повторяла, шевеля губами:

– Эберхард – архиепископ Майнцский из рода фон Диц, получил диаконат благодаря родству его матери с женой герцога Каринтии. Соответственно через каринтийский дом находится в родстве с австрийским, который всецело поддерживает кандидатуру моего Конрада. Стал епископом в тридцать лет, архиепископом – в тридцать семь. Имеет любовницу, а от нее – дочь и сына. Дочь необходимо сделать моей фрейлиной; сыну четырнадцать лет, растет при монастыре – надо предложить Конраду взять мальчишку себе в оруженосцы. Любит охоту, эльзасское вино, держит собачью свору...

Каждая, самая мизерная капелька информации о сильных мира сего собиралась ею и впитывалась, как впитывает скупую влагу растущий в выжженной степи цветок.

Не теряя время попусту, Никотея с мужем объезжала окрестные города, и в каждом из них молодая герцогиня улыбалась, говорила каждому, удостоенному встречи, приятные слова, походя очаровывая всех, кто ее видел и имел счастье обмолвиться словом. Она сыпала в толпы нищих медяками, беседовала с лекарями о рецептах чудодейственных снадобий, способных мертвого поднять из могилы, а заодно узнавала о недугах лиц властей предреждающих, и снова улыбалась, и опять запоминала, спеша расставить фигуры на невидимой никому шахматной доске.

– Расскажи мне об архиепископе Кельнском, – обратилась севаста как-то к мужу.

– С чего бы это вдруг тебя заинтересовал старый Зигфрид? – удивленно поглядел на нее герцог Швабский, в этот самый миг намеревавшийся отправиться на охоту с дюжиной верных цоллернских дворян. – Прескучнейший, я тебе доложу, старик.

– Стыдись, Конрад, ты говоришь об архиепископе, а не о ярмарочном шуте!

– Да уж, такого шута выгнали бы из всякого балагана, – усмехнулся герцог. – Что о нем говорить – святоша! Только-то на уме поститься да молиться.

– Достойнейший человек.

– Ха, Зигги? Слышала бы ты его проповеди! Он так бичует грехи рода человеческого, что подчас мне кажется, что, услышь его черти в аду – прости мне, Господи, мои слова! – и они бы крестились все как один.

– И что же, сам он настолько безгрешен, что с полным правом может клеймить с амвона слабость детей Адамовых?

– И пуще всего – дочерей Евы!

«А вот это скверно, – крутилось в голове Никотеи. – Праведники – худшие твари, встречающиеся среди людской породы, ибо от их благодати в мире происходит больше зла, нежели от ярости иного разбойника. Что-то надо сделать с этим святошей. На столь важном месте должен находиться человек, преданный мне. – Никотея поглядела в спину удаляющегося мужа. – Старый благодетель на эту роль не подходит, тем более что место архиепископа я уже обещала дяде Гринроя... Ах, несчастная Мафраз, как не хватает сейчас ее тайных знаний... Впрочем...»

– Постой! – окликнула она уже ступившего на порог мужа. – Ты и впрямь находишь, что проповеди Зигфрида Кельнского способны растопить самое жестокое сердце?

– Даже вырубленное из цельного куска мрамора, – не понимая, к чему клонит жена, обернулся Конрад Швабский. – Зачем он тебе понадобился? От его постного вида все молоко в округе скисает.

– Я думаю, что для божьего дела будет куда полезнее, когда столь праведный и вдохновенный пастырь понесет крест Господень и слово божье диким варварам севера и не станет попусту расточать пыл своей души пред теми, кто и без того свято верует в Спасителя. Неужто ты забыл, мой дорогой супруг, что точно так же, как мавры, теснящие сынов Кастилии и Арагона, как сарацины в Палестине – так и пруссы, латы, жмудь и прочие дикие кровожадные племена теснят наш мир, желая его погибели. Не там ли место первейшим ревнителям воли Господней? Пусть же Зигфрид обоснует в тех землях новый престол христианской веры, а храбрейший Генрих Лев мечом своим отвратит варваров от греховной мысли сокрушить храм Божий.

– Оно-то так, – досадуя, что любимая жена отрывает его от не менее любимой охоты, поморщился Конрад, – но если Зигфрид Кельнский и согласится отправиться к пруссам – а я думаю, он согласится на такой подвиг с радостью, то как убедить нашего соперника – герцога Баварского?

Никотея одарила мужа одной из своих восхитительных нежных улыбок:

– Иди, мой славный муж и повелитель, и ни о чем не беспокойся. Я все устрою.

Крепость Солдайя¹⁶ всегда казалась Симеону Гаврасу абсолютно нелепой – прилепившись одной частью к высокой скале над морем, другой она будто сползала к подножию гор. Длинные стены требовали множества защитников, в то время как отсутствие воды в месте ее строительства обещало скорую и мучительную гибель гарнизону в случае правильной осады. Но, вероятно, Солдайя и не строилась в расчете на серьезного противника. Набегавшие из степи кочевники не были обучены штурмовать, а уж тем паче всерьез осаждать крепости, а промышлявшие в водах Понта Эвксинского пираты не решались нападать на генуэзскую торговую факторию, прикрытую пусть даже такой нелепой, но все же крепостью.

Однако сами жители Солдаи отдавали себе отчет в том, насколько уязвима их цитадель, и без особой нужды старались не ссориться с безраздельно властвовавшим над окрестными водами Херсонесом. Просьбу архонта переправить его сына в Италию на генуэзском корабле

---

¹⁶ Ныне Судак.

приняли с превеликой радостью – корабль, полный товара, в Константинополе обязались пропустить без пошлин.

Конечно, генуэзцев несколько удивила затея турмарха участвовать в рыцарском турнире, объявленном герцогом Швабским в честь своего бракосочетания: прежде ромеи с презрением взирали на столь варварский способ проявления личной доблести. Но, с другой стороны, как гласила старая поговорка: «Время меняет горы», что уж говорить о людях.

В Генуе приезд заморского рыцаря вызвал радостное возбуждение. Толпы народа сбегались поглядеть на статного красавца-ромея, на суровых варягов, составлявших его эскорт, на их диковинные одежды и дорогие, блистающие золотом, доспехи. Не одна местная синьорина втайне мечтала открыть чужеземцу двери спальни, но турмарх, на западный манер носивший титул герцога Сантодоро,¹⁷ был немногословен и почти мрачен. С вежливым безразличием он принимал восторги местных жителей, и, едва заручившись рекомендательными письмами к герцогам Пармы и Милана, Симеон оставил столицу торговой республики, вызвав сожаление у купеческой старшины и недоуменное разочарование генуэзских красоток. Если что-то и согрело их души, то лишь уверенность, что бледные пармские девицы уж точно не понравятся заморскому рыцарю.

Король Гарольд III ожидал нареченную у ворот Кентерберийского аббатства. Моноашица не слишком радовало пристрастие будущей жены к молитвенным уединениям, но умом он понимал, что пережитое за последние месяцы склонило Матильду задуматься о душе и воле Господа. Дочь неистового короля Генриха Боклерка, послушная воле отца, дала согласие на повторный брак, но, глядя на будущего мужа – почтительного заботливого мужчину, храброго воина и благородного правителя, – она признавалась себе, что ничего в этом мужчине не затрагивает ее души.

Мод не слишком скорбела о смерти первого мужа – владыки Священной Римской Империи, и возвращение в любимую с детства Британию казалось ей замечательным выходом из положения. Но то, что произошло дальше, представлялось Матильде непрекращающимся дурным сном: гибель брата, плен, смерть отца и чудом спасенная ее жизнь. В глубине души королева сознавала, что вся эта цепь невзгод – божественное наказание ее роду за бесконечные злодеяния, начиная от захвата острова. Ей мнилось, что замужество с внуком короля Гарольда, убитого ее дедом в битве при Гастингсе, искупит былые прегрешения. Она видела себя добровольной жертвой, восходящей на алтарь по воле Господа.

Матильда старалась улыбаться при виде суженого, со вниманием слушала рассказы о далекой земле его родины, но с тоской осознала, что сердце ее выжжено, как бывает выжжен ствол дерева, расколотый молнией. «Такова воля отца, – убеждала она себя, – к тому же Гарольд сам вырвал меня из рук мерзавца Стефана и спас от яда. Он доблестный и добрый. Я должна сделать его счастливым».

– Проповедь окончена, ступайте, – услышала королева сквозь горестные думы и, получив благословение, направилась к выходу.

– Отчего ты вновь печальна? – подсаживая невесту в крытые носилки, спросил Гарольд.

Матильду резанул по ушам чужестранный выговор суженого. Благодаря урокам ученого монаха Георгия Варнаца, Гарольд с каждым днем все лучше говорил на языке ее родины, но в устах сына Гиты Английской любви, даже самые ласковые слова звучали отчего-то грубо.

– Призраки недавнего прошлого не оставляют меня, – покачала головой Матильда.

– Пустое. Ни к чему страшиться ни призраков, ни людей. Клянусь рукоятью своего меча и копьём святого Георгия, мы изгоним твои страхи так далеко, что даже северные медведи не отыщут их след.

---

¹⁷ Сантодоро – генуэзское наименование княжества Феодоро со столицей в Мангуле.

Она с легким недоумением выслушала похвальбу будущего мужа и даже не улыбнулась.

– Ты рассказывала, моя дорогая, что Стефан Блуасский подстерегал твой корабль в тайном месте, где мерзавцы, вроде него самого, разгружают без пошрины заморский товар.

– Это действительно так, мой господин, – негромко произнесла Матильда.

– Я желаю поставить в том месте крепость и посадить в нее сильный гарнизон, чтобы впредь негодяям всякого рода и племени неповадно было творить разбой и учинять разор моему королевству. Я назову эту крепость в твою честь, душа моя. Мы отправляемся завтра же! – счастливый удачной придумкой, взмахнул кулаком Гарольд.

Дочь Генриха Боклерка вздохнула, стараясь не выдать внутреннего недовольствия. Ей вовсе не хотелось возвращаться к истоку недавних бед, но христианское смирение придавало ей сил:

– Непременно поедем, мой государь, если будет на то воля твоя.

Федюня спал, притянувши колени к груди, почти свернувшись в клубок, чтобы не терять зыбкое тепло потрескивающего костра. Встреча с разбойниками, поразившая всех, казалось, не вызвала у него особого удивления. Более того, он поймал себя на мысли, что по-другому и быть не могло – это занимало его больше, чем несчастный лесной грабитель, едва унесший ноги.

Но даже и такие неожиданные ощущения не способны были пересилить накопившуюся усталость – он спал, и ему снилось диковинное существо: змея с ногами, шествующая по раскаленному, до белизны выжженному песку, где меж странных треугольных холмов в напряженном ожидании восседал огромный зверь с телом льва и головой человека.

В ушах Федюни слышалась речь, звуки которой представлялись ему странными, но смысл был понятен от первого до последнего слова: «Я змея, которой много лет. Я прохожу сквозь ночь и каждый день рождаюсь вновь. Я змея – граница земли, я прохожу сквозь ночь и день за днем рождаюсь вновь, обновленная и омолодившаяся». Речь двуногой змеи казалась ему странной, однако он явственно чувствовал, как тело наполняется неведомой силой, будто и вовсе нечеловеческой.

Пламя костра взметнулось, точно почувствовав эту невидимую силу. Один из нищих, дежуривший у огня, так и застыл с веткой, которую он намеревался бросить в костер.

– Ишь ты.

Он толкнул своего приятеля, прикорнувшего тут же, на голой земле.

– Что... уже? – встрепенулся тот.

– Тс-с-с, погоди ты. – Он прикрыл ладонью рот товарища. – Глянь-ка на мальчика.

Второй нищий тихо приподнялся и уставился на Федюню.

– Эка!

– То-то же! Вроде и спит, а вроде тело аж волною ходит! – проговорил его приятель. – Отойдем-ка подале, сказать чего хочу.

Они чуть слышно встали и, отгоняя комаров, направились за ближайший дуб.

– Я вот что думаю, – начал первый нищий. – Оно, конечно, то хорошо, что хорошо кончается, да неизвестно, как еще все сложится. Видал, как злыдень лесной корчился? Точно ядом его жгло!

– Ага.

– А амулет на шее у мальчишки видел?

– А то!

– Как есть – штука волшебная! Из тех, что эльфы в холмах прячут.

– Неужто?

– Неужто-неужто, а как иначе? Ты же сам только что видел, как мальца во сне корежит. Эльфийские вещицы – они такие, они непростые. С ними шутить не след.

– Верно.

– Вот я думаю себе: парнишка эту штуковину наверняка отыскал где-то, а то, может, и вовсе стащил, да сдуру на себя и нацепил. А так ведь что сказать – малец себе и малец. Какой из него чудодей?

– И то верно.

– Ну а коли верно, то я вот что удумал. След нам амулет без лишнего шума у мальчика снять, да скоренько домой возвращаться. На такую-то знатную вещь, ей-бо-ей, покупатель сыщется. Хорошие деньги отвалит.

– Ага!

– Так я сейчас из ветки рогульку сделаю, тихонько-тихонько шнурок, на котором амулет тот висит, из-за ворота вытяну, да придержу, а ты его развяжи, да аккуратненько другой рогулкой побрякушку сдерни. Ежели что, кто зна, может, сам собой узелок распутался.

– Дело...

– Ну так, как иначе? Одно ясно – толк с этого землетопа никакой, идет себе и идет, какая нам выгода следом волочиться? – Он протянул собрату по нищенскому цеху заготовленную рогульку. – Давай! Только ты ж осторожно!

Попрошайки снова приблизились к гаснущему без свежей охапки хвороста костру и склонились над спящим Федюней.

Первый нищий огляделся по сторонам и потянулся веткой к вороту Федюниной рубахи. Он уже коснулся одежды, когда вдруг его воровской инструмент прогнулся, будто под весом, и тотчас выпрямился. А в лоб грабителя прилетело нечто увесистое и твердое.

Потеряв равновесие, он с размаху уселся на землю и увидел перед носом крошечного человечка не более дюйма в высоту, черного как уголек, с алыми, будто догорающие искры, глазами.

– Ты что это удумал? – тихо, но очень внятно проговорил человечек, демонстративно упирая руки в боки.

– Тебе до того дела нет! – огрызнулся нищий, примериваясь, как бы половчей прихлопнуть невесть откуда взявшегося фейри.¹⁸

– Коли совсем дурак и жизни своей тебе не жалко, то продолжай. А нет, так глянь, как оно на самом деле есть, когда чары убрать.

Он прыгнул с ветки на плечо нищего и коснулся его виска своей крошечной ладонью, и в тот же миг оба охотника за легкой наживой увидели воочию, что на шее у мальчишки вовсе и не шнурок, а черный змей с распахнутыми, выжидательно глядящими на них яхонтами глаз.

– Только коснись этого аспида, все равно – рукой ли, веткой, – и проклянешь тот день и час, когда родился на свет.

– Неужто помру? – испуганно прошептал нищий.

– Помереть, может, сразу и не помрешь, а только боль истерзает такая, что иной раз захочешь и рук, и ног лишиться, и самой головы – только бы ее унять.

– Страх-то какой, – с ужасом прошептал нищий и поглядел на своего обескураженного собрата. – Видал, какво оно?

– Ага, – подавленно ответил тот.

– Бежать отсель надо, а то как бы с нами беды не приключилось.

– Уже приключилась, раз за Кочедыжником пошли, – хмыкнул фейри. – По его воле змеи вас на краю света найдут.

– А что делать-то? Или нет сладу с демоном?

---

¹⁸ Фейри – общее название для всех волшебных существ Британии.

– Отчего ж, есть слад. – Фейри ухватился за мочку уха первого нищего, подтянулся на ней и примостился в ушной раковине, как в кресле. – Я вас от беды-напасти огорожу, но с этого мига вы все от точки до точки по моему слову выполнять должны.

– Да что скажешь, тому и быть! – суетливо заверил первый.

– Не трясись головой! – приказал фейри. – Я у тебя за ухом сидеть буду и что надо говорить. Сейчас, покуда не рассвело, вставай на ноги да быстро, как только можешь, беги в Самманхэртский монастырь.

– Да я ведать не ведаю, как к нему идти.

– Не идти, а бежать. О том, куда – не беспокойся. Покуда я с тобой – с пути не собьешься. Но поспешай: он хоть и недалеко, но тебе еще вернуться надо.

– Да к чему возвращаться-то?

– Не смей перечить! – Голос фейри прозвучал резко, как хлопок бича, мозг попрошайки пронзила острая боль. – Пойдешь и вернешься.

– Тебе-то это зачем?! – взвыл сквозь зубы побирушка. – Ты ж того... из полых холмов... а то вдруг монастырь...

– Не твоего ума дело, но так и быть, скажу. Иной раз такое случается, что и малому народцу против общего врага люди божьи – союзники. А потому вставай и беги. Как откроют тебе калитку, так сразу оповести, где ныне Сын погибели гнездо свое гадючье свил. Пусть глаз с него не сводят.

– Как скажешь. – Убогий быстро поднялся на ноги и, не выбирая пути, ринулся в чащу.

И тут, не дожидаясь рассвета, будто первый лучик солнца выглянул из едва озаренного краешком луны облака и, выхватывая ярд за ярдом впереди бегущего по лесу пройдохи, неотлучным поводырем увлек его за собою к воротам еще мирно спящего аббатства.

Глава 7

От идеи так же близко до идеала, как и до идиотизма.

Эрик Берн

Великий князь Святослав ходил взад-вперед по светлице княжьего терема, казавшейся ему непривычно широкой. Всего несколько месяцев назад в этой горнице стоял он, понурился голову рядом с братом Мстиславом перед грозным отцом и выслушивал повеления Владимира о походе к Светлояр-озеру. Ни отец, ни брат не вернулись из того похода, и он – новый государь всея Руси – сполна ощущал тяжесть монашьего венца.

Счастливая весть, доставленная Святославу из-за моря, что не сгинул брат, а, разбив в жаркой сече врага, стал королем в землях, от матери завещанных, немало порадовала его. Но уж как там за морем все сладится, дело второе, а здесь править лежа на боку не приходилось.

Прознав о странной кончине Мономаха, кочевники со всех сторон, точно сговорясь, решили вновь испытать крепость киевских рубежей. Но если прежде отец призывал сыновей в заветную светелку и точнехонько рассказывал, откуда ждать беды и куда полки вести, то ныне такой подмоги не было. До сего дня вражьи набеги еще получалось давать укорот, но как знать, так ли будет впредь?

Отец Амвросий – духовник княжичей с самого их крещения – наставлял молиться и исповедоваться, поражать гордыню в сердце своем, но схватка с гордыней протекала с переменным успехом, а набеги продолжались и продолжались.

– Великий княже, – в горницу вбежал государев стольник, боярин Андрей Болховитин, – беда стряслась!

– Какая такая беда? – нахмурился Святослав.

– Гонец из Тмуторокани прибыл.

– Неужто ромей войной пошли? – Святослав грозно подбоченился, точно готовясь без промедления двинуть рать на супостата.

– Хуже того, княже. Давид, сын Олега Гореславича, касогов привел.

– Ну, касоги не ромей, нонче же выступим. Стены в Тмуторокани каменные, высокие, ворота крепкие, князь Глеб не зря Хоробрым зовется – до нашего приходу, чай, продержится.

Андрей Болховитин понурил голову:

– Пала Тмуторокань.

– Ты что за небывальщину плетешь?! – бросился к нему Святослав.

– Гонец рассказывает – изменою злой враг в стены вошел. Будто бы от тебя к князю Глебу человек прибыл, сказал, что ты уже с подмогой близок, и велел касогов у стен встретить. Ныне дружина княжья разбита, сам Глеб жив ли – неведомо, а Давид, стало быть, на княжем столе воссел.

– Молчи! – крикнул Святослав. – Вот уж не зря говорят: «У бесхвостого волка долгая память». Добр был в прежние годы батюшка, только то и сделал – ссадил князя Олега с Чернигова, да волю дал убираться, куда глаза глядят. А оно теперь вон как обернулось... Пришло время Гореславов корень выкорчевать! Ступай, Андрей, оповести воевод – завтра на рассвете выступаем в поход супротив волчьего последыша. И не ведать мне покоя, покуда не положу я в сыру землю злобного волчонка Давидку!

– Поспеем ли к утру, княже?

– Поспείτε! – рявкнул Святослав, сжимая кулаки. – Такова моя воля!

Сонный монах, ежась от предрассветной сырости, открыл зарешеченное окошко в калитке ворот. Кто бы ни был тот, кому пришла в голову мысль будить спящую обитель столь

бесцеремонным образом, он был недобрым человеком. Режим монастырской жизни и без того весьма строг, чтобы по пустякам отрывать минуты сна, оставшиеся до заутрени.

– Кто ты, сын мой, и отчего столь рьяно стучишь в ворота божьего дома?

– Мне нужно срочно видеть отца настоятеля! – объявил незванный гость.

Брат привратник с сомнением поглядел на него сквозь переплет решетки. Судя по виду – оборванец оборванцем, что такому может быть срочно нужно от преподобного аббата Кеннета?

– Ступай, сын мой, не тревожь братию, иди с миром и возвращайся с рассветом. Милостыню и еду будут раздавать после утренней трапезы, и ты сможешь получить свою долю.

– Мне не нужна милостыня! – как-то неловко дергая головой, закричал нищий. – Мне срочно нужен настоятель монастыря!

Монах сказал укоризненно:

– Стыдись, сын мой!

– Мне нечего стыдиться! – выпалил побирушка и вдруг неожиданно для самого себя перешел на латынь: – Сказано было твердейшему из учеников Спасителя нашего апостолу Петру: «И петух не прокричит, как ты трижды предашь меня». Ужели ты ждешь петушиного крика, чтобы открылась тебе бездна предательства твоего? Ступай без промедления и разбуди отца Кеннета!

Монах отшатнулся от калитки. Ему отчего-то показалось, что фигура нищего осветилась, и сам он как будто стал больше прежнего.

– Храни меня, Господи! – прошептал привратник, осеняя себя крестным знаменем.

– Не заставляй меня ждать! – требовательно пророкотал оборванец, и служка, не смея ему перечить, со всех ног припустил через двор.

Спустя несколько минут он уже стоял перед аббатом на коленях, тараторя скороговоркой:

– Прости меня, отче, но он, этот неизвестный, требует аудиенции!

– Он требует? – удивленно переспросил благочестивый отец Кеннет.

– Да, ваше преподобие.

– И что же, он даже не назвал себя?

– Нет, – ответил брат привратник, – но говорил на латыни, и от него исходило сияние!

– Что за ерунда? – Аббат поднялся, тяжело опираясь на посох. – Ладно, ступай призови его. Коли он столь необычаен, пожалуй, я приму его.

Отец Кеннет жестом отослал брата-портариуса¹⁹ и, стараясь не выдавать внутреннего неудовольствия, опустился в величественное резное кресло. Ему, младшему сыну владельца здешних земель, некогда поступившему в монастырь новицием²⁰ и на склоне лет ставшему настоятелем обители, казалось по меньшей мере непристойным странное желание какого-то замухрышки видеть его в этакий неурочный час. Год за годом аббат Кеннет вел жизнь размеренную, наполненную благочестивыми трудами, молитвами и пением псалмов. Всякое нарушение раз и навсегда установленного жизненного порядка представлялось ему кощунством и заслуживало сурового порицания. Он уже приготовился начать встречу с гневной отповеди сумасбродному наглецу, но тут, оттолкнув брата привратника, в комнату ворвался всклокоченный оборванец.

– Что заставило тебя, сын мой, искать...

– Внемлите и немногословствуйте! – вдруг ни с того ни с сего выпалил нищий.

Такого начала беседы аббат даже представить не мог. От удивления он приподнялся, не зная, то ли гордо удалиться, то ли выгнать наглеца за ворота.

– Да как смеешь ты, убогий! – начал аббат.

---

¹⁹ Портариус – привратник.

²⁰ Новиций – звание послушника до принятия им монашеских обетов.

– И спаситель в убогом рубище пришел в Иерусалим! – расширив глаза, властно, но почему-то сконфуженно проговорил странный гость.

Казалось, он сам не хотел говорить слов, будто помимо его воли слетавших с уст.

– Сын погибели ступает по вашей земле! – безапелляционным тоном объявил нищий. – Близок час Антихриста!

– Господь моя защита! – перекрестился аббат. – Ты сам-то кто?

– Что тебе в имени моем? Коли хочешь, почитай меня тенью злокозненного врага твоего, врага рода человеческого.

– Свят-свят-свят!

– Всюду, куда пойдет он, с ним буду я, и всякий его шаг смогу я увидеть и передать божьим людям. Ты же поспеши отправить гонца во Францию, в Клерво – к аббату Бернару. Когда прибудут люди от него, станет ведом им путь Сына погибели.

– Но к чему это? – попробовал было запротестовать аббат. – Отец Бернар и вправду известен ревностным служением Господу нашему, но я...

– Не совладать тебе, отец Кеннет, с демонами, стоящими в услужении Сына погибели. Сокрушат они тебя, рассеют паству твою, осквернят храм, вырвут языки у колоколов сладкозвучных. Поступай, как говорю тебе, и тем заслужишь благословение небес.

Отец Кеннет вновь опасливо поглядел на побирушку – тот выглядел странно, но грозно.

– Хорошо, – кивнул он. – Я сделаю по-твоему.

– Поторопись, – требовательно сдвинул брови пришелец и, не меняя тона, продолжил: – И помни, что сказано у святого Августина о настоятелях: «Они первые не для того, чтобы превентивовать, а для того, чтобы служить». А потому, Кеннет, поспеши, я же поспешу возвратиться, ибо там, близ Сына погибели, мое место.

Король Франции, насупившись, глядел на коренастого широкоплечего старца в старомодном блио и накидке – почти мантии – из новгородских соболей. Скуластое обветренное лицо северянина выглядело холодно жестоким. Даже многочисленные старческие морщины и седая борода не могли скрыть железной непреклонности, составляющей, должно быть, основную черту характера прибывшего к государю просителя. Впрочем, менее всего этого человека уместно было бы называть просителем.

– ... Гнусный анжуец покусился на честь моей дочери и убил одного из моих сыновей. Я, виконт Жером Пьер Анри де Вальмон, коннетабль Нормандии, требую справедливого королевского суда над мерзким выродком, именуемым Фульк Анжуйский! Я требую, чтобы он кровью ответил за пролитую кровь и нанесенные мне и всему роду оскорбления. Мой государь, – едва разжимая сцепленные зубы, цедил он, – Нормандия – каждый город, каждый замок – с вниманием будет следить за этим судом! Отдавшись под руку твою, мой король, мы искали не прибыли и не покоя, как прочие земли твоего королевства. Мы – нормандцы – и без того богаты и не приемлем овечий жребий. Мы ставим честь и доблесть превыше мира и покоя. Мы искали справедливости и праведного суда, и сейчас как твои верные подданные требуем их от тебя! Яви же, государь, свою волю, и Нормандия станет вернейшим твоим вассалом. Но если жизнь анжуйского любимчика ты ставишь превыше нашей верности, то не следует удивляться и клеймить нас позором, когда в час испытаний ты не найдешь почтения к себе в герцогстве Нормандском.

Произнеся эти слова, виконт де Вальмон протянул руку назад, и один из старших сыновей вложил в нее котгу, украшенную цветами Анжу.

– Эти тряпки свидетельствуют, что именно Фульк Анжуйский, а никто иной, пытался обесчестить мою дочь. А этот меч, – он протянул вторую руку, – лучшее доказательство тому, что, позабыв законы рыцарства, граф Анжуйский бежал с позором, бросив оружие. Я объявляю, что он преступник, и ему нет места среди людей чести!

– Любезный Жером, – Людовик Толстый сделал паузу и тяжело поднялся с места, – твои слова разрывают сердце, ибо нет высшего блага, чем счастье моих верных подданных. Обвинения, которые ты бросаешь графу Анжуйскому, тяжелы, и по справедливости я должен тщательнейшим образом разобрать все детали содеянного. Как гласит закон – я обязан выслушать обе стороны и без пристрастия взвесить открывшиеся факты.

– Так сделай же это, мой государь!

– Сделаю, Жером. Конечно, сделаю. Но, увы, сегодня я лишен возможности призвать к себе того, кого ты обвиняешь в убийстве сына и соращении дочери. С той ночи я не видел его и не ведаю, где он находится теперь. Фулька ищут, виконт. Ищут днем и ночью, но пока, увы, о графе Анжуйском нет никаких вестей. Быть может, он укрылся в каком-нибудь монастыре? – Людовик Толстый развел руками. – В любом случае, когда мой кравчий появится – непременно предстанет перед судом. Пока же я хочу видеть твою дочь и желаю, чтобы она под присягой рассказала обо всем, что случилось в тот вечер.

– Но, мой государь, – голос коннетабля Нормандии звучал немного обескураженно, – Мадлен – девица, и ей не пристало... – он замялся, – говорить о таких делах. Я как отец, согласно кутюмам²¹ Нормандии, могу свидетельствовать от ее имени.

– Это верно, – кивнул Людовик Толстый, – но только если речь идет о ее чести. Хотя и здесь следует распорядиться о назначении трех достойных матрон, известных своей набожностью и честным поведением, дабы они, согласно обычаю, могли освидетельствовать твою дочь. Ибо ведомо: нельзя отыскать след птицы в небе, рыбы в воде и мужчины в женщине. Если подтвердится, что твоя дочь лишена девственности...

И без того красное лицо виконта де Вальмона побагровело.

– Но я желаю поговорить с ней совсем об ином, – переводя разговор на другую тему, продолжил Людовик, будто и не замечая реакции собеседника. – Если это был честный бой, то твоя дочь – единственная свидетельница произошедшего, а стало быть, ее необходимо выслушать. Быть может, даже допросить с пристрастием. Ибо любовь к брату, возможно, подтолкнет девушку уклониться от истины.

– Она не единственная видела ту схватку! – выпалил де Вальмон.

– Вот как? А кто же еще?

– С сыном были слуги.

– Сколько?

– Трое, – чуть замедлил с ответом де Вальмон.

– Зная местные обычаи, могу предположить, что все они были вооружены.

– Только кинжалы и факелы, – попробовал запротестовать виконт.

– В ловких руках и это немало. – Людовик упер в собеседника тяжелый взгляд. – Но тогда выходит, что трое молодчиков во главе с твоим сыном напали на моего кравчего и хотели лишить его жизни.

– Однако честь моей дочери...

– Увы, Жером, если твоя дочь не обещана, доказать, что все обстояло так, как поведал мне ты, практически невозможно. Фульк Анжуйский, по твоему утверждению, был на сеновале с девицей, но если твоя дочь не предстанет пред судом, кто может сказать, что это была за девица?

– Но, мой государь...

– Погоди, Жером, ты говорил много, говорил дерзко, и я тебя слушал. Мне понятно, какие чувства горячат твою кровь. Теперь послушай и пойми, что заставляет мою кровь быть холодной. Итак, граф Анжуйский был застигнут, как ты говоришь, на месте преступления. Но в действительности никто не может подтвердить, было ли само преступление. Если предполо-

---

²¹ Кутюмы – местные законы.

жить, что граф находился там с другой девицей, что, конечно, тоже не делает ему чести, то, выходит, судить необходимо вовсе не его. Ясное дело, сына твоего, мир праху его, не вернуть. Но трех негодяев, покусившихся на жизнь благородного дворянина, следует повесить без всякого сожаления.

– Но мой король!..

– Тише, Жером, тише. Здесь не суд. Ты пришел ко мне со своей болью, и теперь она моя не меньше, чем твоя. Но ведь суд, о котором ты меня просишь, исходит из законов людских и божеских, и я лишь объясняю тебе, с чем предстоит столкнуться на суде.

Король приблизился к старцу и положил руку на его плечо:

– Но заверяю тебя, мой дорогой де Вальмон, когда состоится этот суд, он будет справедливым, и кто бы ни был признан виновным, понесет заслуженную кару. А теперь ступай, и да вознесутся к престолу царя небесного слова мессы за упокой души твоего сына.

Виконт молча поклонился и, сделав рукою знак сыновьям, быстрым шагом покинул королевские покои.

Король проводил его долгим взглядом и, обойдя пустой трон, отдернул занавесь, расшитую золотыми лилиями.

– Я все слышал, сын мой. – Аббат Сугерий стоял у входа в королевскую молельню, перебирая тяжелые четки. – Если смотреть на вещи как подобает французу, то ты вел себя более чем достойно. Если глядеть на это глазами нормандца, – духовник короля печально воздел глаза к распятию, – справедливостью здесь будет почитаться только смерть обидчика и ничто другое. Старый де Вальмон чувствует себя глубоко униженным, но я вовсе не удивлюсь, если вдруг окажется, что не сам виконт, а кто-то более умный и менее горячий подтолкнул старого воина прийти к вам с обвинениями. Нынче же по всей Нормандии поползет слух о том, какое ужасное оскорбление нанесено одному из знатнейших родов герцогства. И о том, что ты, сын мой, попустительствуешь убийцам и совратителям. Это само по себе вредит твоему имени, но плохо еще и другое – оставаться в Руане теперь для тебя становится опасным. Гостеприимная столица может оказаться мышеловкой.

– Но убегать отсюда позорно.

– Королю следует отправиться вершить суд в землях своей державы, как это в прежние века делал Карл Великий. Это сгладит впечатление от амурной истории с Фульком Анжуйским и даст повод убраться из Нормандии.

– Что ж, так и сделаем, – вздохнул король. – Подумать только, сколько неприятностей из-за какой-то задранной юбки!..

Аббат Сугерий снова воздел очи к небу, вернее к потолку, за которым над мощной крепостной башней синело ясное сентябрьское небо Нормандии:

– Мне не пристало слушать такие речи.

– Господь простит мне это прегрешение, – отмахнулся король. – Ответ лучше, слышно ли что-нибудь о Фульке?

– Вынужден сказать, что ничего нового, мой государь, – покачал головой аббат Сугерий. – Последний раз его видели во время стоянки в полудне пути от Руана. Возницы рассказывают, будто за ним гнались четверо братьев де Вальмон. Он прыгнул от них в воду. Должно быть, несчастный утонул. – Настоятель Сен-Дени печально сложил руки перед грудью в молитвенном жесте. – На все воля Божья.

– Судя по тому, что старый Жером не оставляет желанья послать Фулька на плаху, ему достоверно известно, что тот еще жив. Иначе с чего ему так хлопотать?

– Ему – нет смысла, но если за де Вальмоном и впрямь стоят умные люди, то следует помнить, что для мятежа нужна не королевская справедливость, а сам факт оскорбления, который позволит нормандским баронам позабыть о данной ими присяге. Я бы советовал королю дознаться, нет ли среди тех, кто замышляет против вас недоброе здесь – в Руане, – людей, подо-

сланных Бернаром из Клерво. Не будем забывать, что меж ревностных послушников аббата Клервосского, поднявших оружие против короля Англии, было немалое число нормандцев.

– Это разумная, хотя и безотрадная мысль, – согласился Людовик. – Кстати, что слышно от гонца, посланного в Рим?

– По моим расчетам, он должен уже прибыть к престолу Святейшего Папы. Далее же будем уповать на мудрость ключника святого Петра и волю Господа.

Барка неспешно переваливалась с волны на волну, заставляя крошечную темницу Фулька Анжуйского прыгать вверх-вниз. Сам пленник сидел, едва не касаясь головой палубного настила, скрючившись так, что колени доставали до подбородка. За последние дни он давно привык к темноте. Когда вечерело и барка становилась на якорь, Фулька под охраной нескольких то ли моряков, то ли разбойников выводили подышать воздухом и размять затекшее тело. Затем он вновь занимал место в ящике для запасного якорного троса, а за стенкой устраивался на ночлег нелюдимый страж, готовый действовать, как сказал капитан, «по случаю».

Так повторялось снова и снова, и наступивший вечер не стал исключением. Все, что успел разобрать, совершая «вечерний променад», несчастный пленник, – это то, что судно покинуло Сену и, наконец, вышло в море. Он хотел еще подышать воздухом, полюбоваться звездами, но грубый пинок в спину заставил его пробежать несколько шагов, чтобы не упасть.

– Послушай, – анжуец попытался было начать разговор, когда заталкивающий его в ящик головорез завозился с засовом, – что ты забыл на этой дрянной лохани? Не сегодня-завтра она пойдет ко дну, и ты вместе с ней. Иди ко мне на службу и ни в чем не будешь знать отказа. Я сделаю тебя богатым – у тебя будет дом, ферма, мельница...

– Лезь, – хмуро оборвал его стражник.

– Да ты слышишь, что я тебе говорю? – попытался образумить его Фульк.

– Не разговаривай, полезай. – Дитина втолкнул графа в ящик и задвинул массивный засов.

– Проклятие! – тихо выругался пленник.

Все его естество, все достоинство и доблесть, врожденные и воспитанные, закаленные в боях, бунтовали против столь унижительного положения.

– Бежать, – прошептал он, – даже если до выплаты этого чертова выкупа останется одно лишь мгновение! Бежать! И покарать! Каждого на этой чертовой посудине!

Он услышал, как баржа останавливается, с громким плеском падает в прибрежные воды якорь, и постепенно стихают голоса над головой и за стеной.

«От барки до берега совсем немного, – крутилось у него в голове, – только б вылезти отсюда, только б добраться до палубы». Он заерзал, притянул колени поближе к груди, пропуская перед собой связанные за спиной руки.

«Сейчас все, кроме вахтенных, уснут. А вахтенные... Что вахтенные? Наверняка их не больше двух. Травят себе байки да следят за горизонтом, а может, и вовсе спят. В любом случае с кинжалом я смогу заставить этих недоносков замолчать. Но где взять кинжал? И как выбраться отсюда? Пройдет совсем немного времени, и страж захрапит, облокотившись спиной на дверь. Вот тогда самое бы время... Хотя!»

На лице Фулька Анжуйского мелькнула улыбка – первая за несколько дней: «Стоит попробовать!»

Мысль, пришедшая в его голову, казалось, добавила ему сил. «Господь, кажется, на моей стороне, – думал он, с нетерпением ожидая, когда стихнут последние звуки на засыпающей барке. – Ну, вот и пора!»

Он еще раз прислушался, чтобы понять, заснул ли охранник. Храпа не было. Выгнувшись, Фульк Анжуйских поднял руки и начал мерно скрести ногтями палубу: вжик-вжик,

вжик-вжик... тихое сопение за стеной смолкло, свидетельствуя о том, что стражник бдит. Вжик-вжик, вжик-вжик...

– Тише! – сдавленным шепотом проговорил Фульк. – Кажется, он еще не уснул.

И тут же сказал громче, с заученным фризским акцентом:

– Готов биться об заклад, этот дуралей уже дрыхнет. Да он не проснется, даже если с него стянут портки и воткнут свечку...

Фульк с удовлетворением отметил, что негодующий от столь лестной оценки сторож старается беззвучно отодвинуть засов.

– Да ты не волнуйся, граф, – продолжал с хрипотцой Фульк. – Сейчас я все допилю.

Дверца распахнулась, в проеме возникла разъяренная физиономия разбойника, и тут же связанные руки Фулька Анжуйского молотом опустились на затылок незадачливого аргуса.²² Не удержав равновесия, тот упал. Стянутые узлом руки вмиг оказались у него на гортани, колено Фулька уперлось в затылок... И святой Петр, решивший было отдохнуть после тяжелого дня, со вздохом полез ставить крестик в Книге судеб.

– Вот и кинжал, – удовлетворенно сказал себе под нос граф Анжу. – Долой веревки!

Стараясь не тревожить спящих, он прокрался на палубу. Как и предполагалось, вахтенные, утомленные дневной работой, дремали, прислонясь спинами к мачте. Когда анжусец проходил мимо, один из них приоткрыл глаза, но, увидев фигуру в низко надвинутой войлочной шляпе, пробормотал: «А-а-а» и снова уснул. Фульк какое-то время постоял над спящими, думая, не стоит ли перерезать им горло, но, опасаясь крика, решил покуда сохранить жизнь.

Взяв светильню, висевшую на крюке над вахтенными, он подошел к борту, присвечивая, чтоб не зацепиться за чьи-нибудь ноги и крепления банок.²³

«Если спуститься по якорному канату, плеска не будет».

Он ощупал трос и вдруг замер – с моря к барке приближался двухмачтовый корабль, куда больше фризландской развалюхи.

– Эй! – замахал руками Фульк и... едва успел отскочить и укрыться за фальшбортом. Длинная, в руку, стрела, пронзив то место, где только что стоял он, воткнулась в палубу.

Должно быть, на корабле желали подойти неслышно, но, заметив фигуру со светильней, решили, что маневр обнаружен. Так это было или нет, но корабль, до того безмолвный, огласился ревом, гиканьем и свистом. Стрелы дождем посыпались на палубу, предвещая неминуемый скорый абордаж.

Фульк, сжавшись, лежал под банкой у самого фальшборта. Одна из стрел, воткнувшись в барку снаружи, пробила старую доску, и наконечник с парой дюймов навощенного древка вылез совсем рядом с головой притаившегося графа.

– Дева Мария, тебе вручаю жизнь мою, – прошептал Фульк, отодвигаясь.

Между тем на палубе слышался ревуший, как труба архангела Гавриила, капитанский голос, призывающий экипаж к обороне. Матросы, привыкшие к беспрекословному повиновению, сновали вдоль борта со щитами, луками и длинными широкими тесаками, весьма удобными для ближнего боя.

– Ставьте колья! – орал шкипер. – Растягивайте сеть!

Команды были правильными, но запоздалыми – абордажные крючья уже полетели на борт злополучной барки.

– Рубите канаты!.. – Голос капитана послышался совсем рядом.

Фульк распрямылся, будто пружина вытолкнула его из-под скамьи. Он вскочил, вонзил кинжал в бок стоявшего рядом матроса, перепрыгнул через упавшее тело и бросился на капитана. Тот не был новичком – случались и нападения на корабль, случалось и отражать подоб-

²² Аргус – в греч. мифологии стоглазый страж Зевсовых стад.

²³ Банки – скамьи гребцов.

ные штурмы – зажав в каждой руке по тесаку, он ждал, когда на палубу его утлого суденышка, словно яблоки с раскачиваемой ветром яблони, посыплются абордажники. Но опасность была куда ближе – кинжал Фулька устремился в горло тюремщику. Тот отпрянул в сторону, пытаясь достать клинком нежданного врага. Фульк ушел от удара и вновь атаковал. В этот миг враг штормовой волной с ревом накатила на уже залитую кровью палубу.

Что было дальше, Фульк Анжуйский помнил слабо. Он рубил, колот, уклонялся от ударов, отпрыгивал в сторону, как дикая кошка от тележного колеса, переполняясь знакомой с детских лет радостью от угара беспощадной сечи.

Когда же наконец он вновь смог осознавать происходящее вокруг, с экипажем барки было покончено. Двое крепышей, по виду ничуть не лучше тех, с кем только что довелось сражаться, держали его за руки, еще один явно уже не в первый раз спрашивал:

– Эй, кто ты такой?

– Я... из Анжу, – выдавил Фульк.

– Судя по тому, что ты сделал с капитаном этого грязного корыта, то вовсе не рад был здесь очутиться.

– Это верно, – согласился Фульк.

– Но дрался ты знатно. Учился?

– Я был оруженосцем у одного славного рыцаря, – уклончиво ответил королевский кравчий.

– Тогда понятно. Что ж, армигер,²⁴ коль ты такой ловкий боец, так, может, желаешь служить у меня? Я, конечно, не славный рыцарь. Но те, кто верен мне, получают хорошую долю добычи.

Фульк задумчиво огляделся: по сходням с барки на корабль победителя тащили какие-то тюки, перекачивали бочки с вином, направлявшимся из Парижа во Фрисландию. У графа не было никаких сомнений, в чьи руки он попал, но и выбора тоже особо не было. Понятное дело, становиться пиратом не входило в его планы, и все же бегство с палубы корабля представлялось делом более простым, чем из ящика под ней.

– Я согласен, – кивнул Фульк.

– Вот и отлично, – улыбнулся предводитель разбойной братии. – Стало быть, завтра разгружаемся и послезавтра выходим в море. Эй, все взяли? Зажигайте барку!

---

²⁴ Армигер – оруженосец.

Глава 8

Ничто так не способствует светлому будущему, как темное прошлое.

Балтасар Косса, папа Иоанн XXIII

Барон ди Гуеско, капитан гвардии Его Святейшества Папы Гонория II, недовольно оглядывался по сторонам. Совсем недавно он радовался жизни в новоприобретенном имении неподалеку от Рима и считал, что с немалой выгодой вложил каждый из уплаченных золотых флоринов. Недавняя аудиенция внесла неприятную поправку в его мироощущение.

Он еще с глубокой почтительностью лобызал протянутую понтификом руку, внимательно приглядываясь к перстням, украшающим длинные пальцы, когда над головой его раздалось:

– Синьор Анджело, для дела, которое я намерен вам поручить, мне нужен человек храбрый, ловкий и немало искушенный в жизни. Одним словом, я нуждаюсь в человеке ваших дарований.

– Каждый мой день и час я к услугам Вашего Святейшества! – не задумываясь, ответил барон, продолжая разглядывать массивные перстни.

– Христианнейший король Франции просит нас прислать человека, облеченного доверием, дабы он мог рассудить спор, возникший между сынами доброй нашей матери Римско-католической церкви, столь широко известными, что само оглашение розни между этими иерархами может не лучшим образом сказаться на положении дел как во французском королевстве, так, увы, и во всем христианском мире.

– Прискорбное известие, – изображая на лице подобающую случаю печаль, ответил капитан папской гвардии.

– Верно, сын мой, очень верно. – Его Святейшество пожевал губами, подыскивая слова. – Оттого, барон, я желаю, чтоб сегодня же, взяв своих воинов – не слишком много, чтоб не привлекать особого внимания, – вы отправились в Парму, где при дворе архиепископа Пармского ныне пребывает монсеньор Гуэдальфо Бенчи – настоятель храма Санта Мария делла Фьоре. Сей достойный муж, известный праведностью, твердостью веры и трезвостью суждений, как никто иной подходит для столь щекотливой и важной миссии. Вам надлежит охранять его и выполнять его указания как мои. Помните, что хотя просьба о прибытии визитатора²⁵ во Францию исходит от короля Людовика, сегодня мы не знаем, на чьей стороне правда. В любом случае, каким бы ни было решение монсеньора Бенчи, я предвижу, что у него может появиться множество врагов. Вы отвечаете мне за жизнь этого достойного прелата, равно как и за то, чтобы он целый и невредимый вернулся к нам в Рим.

– Я сделаю все, на что способен человек, с благословения Вашего Святейшества и при содействии сил небесных, – поклонился барон ди Гуеско.

– В таком случае я не сомневаюсь в успехе порученного вам дела, – протягивая капитану опечатанный свиток, произнес Гонорий II. – Ступайте. Казначей выдаст денег на дорогу вам и вашим людям. Остальное получите у архиепископа Пармского.

Беседа эта не шла из головы дона Анджело, как и родовое прозвание папского легата – Бенчи. Где-то прежде он уже слышал подобное имя. Но где, когда? Кажется, ничего серьезного, иначе он наверняка помнил бы его. Но все же... Барон ди Гуеско крайне не любил таких ситуаций, они тянули его воспоминания о прошлой жизни, как тянут привязанные к шее камни ко дну сброшенную за борт жертву.

---

²⁵ Визитатор – церковный ревизор.

«Бенчи, Бенчи, Бенчи... Нет, слишком много на моем веку встречалось разных незначительных людишек, чтобы помнить каждого. Уж во всяком случае, ни одного святого отца с таким именем прежде знать не доводилось. – Барон отогнал назойливую мысль, и перед его внутренним взором снова возникли длинные персты Святейшего Папы, унизанные драгоценными кольцами. – Поговаривают, что этот старый хорек варит золото. Будто бы из Иерусалима некий пленный сарацин привез ему рукопись самого царя Соломона, в которой скрыт рецепт изготовления золота из любого, самого никчемного металла. Судя по тому, как быстро разбогател этот старый хрыч, ему достоверно известен секрет философского камня, или как там они его называют. Конечно, он властитель Рима, но этот титул требует больше затрат, нежели доставляет доходов. А тут монеты льются рекой. Хорошо бы раздобыть эту рукопись, вот только как? В любом случае, чтобы добраться до нее, надо сидеть в Риме, поближе к Папе, а уж никак не таскаться между Пармой и Парижем, охраняя какого-то очередного святошу».

– Синьор, – услышал ди Гуеско, – вон тот купол – это храм святой Марии в Цветах, – окликнул капитана папской гвардии воин с простоватой крестьянской физиономией.

Дон Анджело молча кивнул и направил кавалькаду к виднеющемуся впереди храму.

* * *

Отец Гуэдальфо с утра был хмур. Служение Всевышнему, которому он посвятил последние годы жизни, заставляло его быть образцом христианского смирения и любви к ближнему, но прежняя жизнь, как пламя, скрытое под застывающей магмой, временами требовательно рвалась наружу.

В эти дни монсеньор Гуэдальфо дольше обычного склонялся пред ликом Мадонны, самозабвенно шепча слова молитвы, старательно усмиряя гордыню и гневливость.

Чаще всего такое случалось, когда ночью ему снилось море: синее, озаренное ясным солнцем, море – оно обступало со всех сторон, переворачивалось, стирая грань между водой и небом... Теперь волны медленно, изматываясь долго перекатывались у него над головой, ежесекундно грозя обрушиться всей своей ужасной массой. Монсеньору Гуэдальфо становилось тяжело дышать, он просыпался в холодном поту, захлебываясь и судорожно втягивая напоенный ароматом воздух. Последние дни море снилось ему каждую ночь, а потому он стоял перед мраморным изваянием богоматери, обращаясь к небесной покровительнице с мольбой о прекращении этой муки.

– Монсеньор, – услышал фра²⁶ Гуэдальфо и, оглянувшись, увидел храмового служку. – Прошу извинить, что отвлекаю вас от размышлений. Прибыл личный посланец Его Святейшества.

– Проводи его ко мне, – величественно наклонил голову настоятель.

Капитан гвардии Его Святейшества стремительным, почти танцующим шагом вошел в ризницу, склоняясь в подобающем поклоне:

– Мой господин велел передать свое благословение и справиться о здоровье вашего преподобия.

Барон ди Гуеско выпрямился и устремил взгляд на худое аскетичное лицо настоятеля.

«Где-то я уже видел его», – подумал он, глядя в темные впавшие глаза святого отца. Тот молчал, не спуская взора с пришедшего, и бескрайнее синее море перекатывало через Гуэдальфо ди Бенчи свои тяжелые ленивые волны.

Это произошло девять, без малого десять лет назад, когда король Роже Сицилийский еще не носил своего нынешнего гордого титула и был лишь герцогом. Пираты Алжира, Туниса, да, почитай, всего Магрибского побережья придерживались странного убеждения, что со смертью

---

²⁶ Фра – брат, обращение к итальянским священнослужителям.

захвативших Сицилию Робера Гвискара и его братьев жизнь их пойдет много лучше, нежели до того. Племяннику свирепого Гвискара – молодому герцогу Роже – предстояло развеять это нелепое заблуждение. Повелитель Сицилии оказался вполне достойным своих предков, так что разбойной братии очень скоро довелось почувствовать на шее его мощную хватку.

Среди принятых им на службу капитанов был совсем юный венецианец, получивший широкую известность тем, что, попав за три года до того в плен к тунисским пиратам, принял ислам и быстро дослужился до должности командира одной из пиратских галер. Вместе с этим кораблем он и убежал на Сицилию. Звали смельчака Анджело Майорано. Вернувшись в лоно церкви, новообращенный капитан взялся показать карательной экспедиции сокровенные убежища, в которых морские разбойники прятали корабли и скрывали награбленные сокровища.

Среди принятых на борт молодых дворян, желавших блеснуть храбростью в борьбе с пиратами, был Гуэдальфо Бенчи. Достигнув Балеарских островов, галера Анджело Майорано пристала к едва заметной бухте у острова Форментера. Здесь, в высокой скале находилась огромная пещера, служившая пиратским логовом. Оставленная в ней стража с немалым изумлением увидела входящую в бухту галеру чужаков, но, зная неприступность почти отвесной скалы, принялась насмехаться над сицилийцами, пытающимися соорудить лестницы и приставить их к нависающему прямо над пучиной гранитному козырьку. Если бы пираты знали, чем занимался Анджело Майорано всего за несколько часов до этого смехотворного представления, они бы повременили веселиться.

Хохот моментально застрял у них в горле, когда с вершины скалы прямо к входу в пещеру на канатах спустились два полных воинами баркаса. Конечно, и в этом случае бой получился кровопролитным. Из темных коридоров стражей сокровищ пришлось выкуривать, бросая туда горящие мотки просмоленной пакли, однако, захваченные врасплох, они были обречены. Погруженная на галеру добыча превзошла любые ожидания. Все, собранное пиратами за годы непрерывных грабежей, перекочевало в трюм корабля Анджело Майорано.

То, что случилось дальше, Гуэдальфо Бенчи сам, пожалуй, не смог бы объяснить внятно. Он помнил, что среди его собратьев по оружию пошли недовольные разговоры о том, что сражались в пещере они, а слава и львиная доля захваченной добычи достанется какому-то безвестному венецианцу. Но это были лишь разговоры, а потому, когда однажды утром Анджело Майорано во всеуслышание заявил, что заговорщики пытаются захватить корабль, и тут же приказал рубить сицилийцев, Гуэдальфо даже меч не успел обнажить. С немногими соратниками ему удалось укрыться в кормовой надстройке. Запершись там, он пригрозил зажечь корабль, если капитан и его приспешники захотят штурмовать их.

Похоже, угроза подействовала на Майорано. Он торжественно поклялся на Библии, что, если сицилийцы сложат оружие, ни он и никто из команды не тронет их, вплоть до того мига, пока они не предстанут пред королем. Майорано обещал, что не отворит дверь надстройки и вообще запретит прикасаться к ней. Капитан был сладкоречив и убедителен, но лишь только сицилийцы открыли дверь, чтобы передать оружие бывшему пирату, внутрь помещения тучей полетели стрелы. Выжили лишь Гуэдальфо с еще одним безвестным дворянином. Соблюдая данную клятву, венецианец заставил их собственноручно выбрасывать за борт убитых товарищей. После чего Гуэдальфо с товарищем сняли двери надстройки и отправились в плавание на этом слабом подобии доисторических плотов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.